

В. А. МАЛАХОВСКИЙ

ЯЗЫК ПИСЕМ А. С. ПУШКИНА

Язык писем А. С. Пушкина еще не подвергался монографическому лингвистическому исследованию. Лингвисты, изучавшие язык Пушкина, прошли мимо огромной важности лингвистического материала, заключенного в письмах Пушкина, если не считать нескольких брошенных вскользь замечаний в монографии В. Виноградова «Язык Пушкина» (Academia, 1935 г.) и в более ранней работе Г. Винокура — «Культура языка» (М. 1925 г.). Между тем эпистолярная проза Пушкина заслуживает пристального внимания лингвистов. Дело в том, что бытовая речь находит в письмах наибольшее свое воплощение. Еще старинные риторики отмечали эту близость эпистолярного жанра к устной речи.

Конечно, эта близость относительна. Устное и письменное общение настолько различаются по своим условиям, а очень часто и задачам, что стилистика этих двух форм языковой деятельности не может быть одинаковой. Пушкин прекрасно ощущал различие устной и письменной речи. В 1819 г. Пушкин писал Кривцову: «Я люблю писать писем — язык и голос едва ли достаточны для выражения наших мыслей (и особенно для чувств), а перо (еще глупее) так глупо (бедно), так медленно (так); письмо не может заменить разговора»¹. Но несмотря на то, что «письмо не может заменить разговора», Пушкину пришлось очень часто пользоваться письмами особенно в условиях ссылки, когда письма оставались для него единственным средством общения с друзьями и заменяли собой непосредственную беседу на литературные и политические темы. Пушкин часто старался возможно больше сблизить язык писем с бытовой речью, особенно в тех случаях, когда письма были обращены к близким ему корреспондентам. Так, например, Гофман совершенно правильно отметил, что письма Пушкина к жене носят стиль домашнего разговора, то, что можно определить французским словом *sauserie*². В тех случаях, когда письмо было посвящено литературным или политическим вопросам, Пушкин с особенной тщательностью обрабатывал форму своих писем, относился к ним со всей серьезностью, как к подлинным литературным произведениям. Винокур отмечает, что «Пушкин работал над своими письмами, как над художественной вещью. Письма для него были равносильны литературному факту»³.

¹ Пушкин. Письма, с. I. 10.² Это указание Гофмана приведено в статье Молзалевского о письмах Пушкина в I томе «Писем», изд. Академия 1935, с. XXXII.³ Винокур Г. Культура языка. Очерки лингвистической технологии. Изд. Раб. Пров., М. 1925 с. 13.

Пушкин часто раздумывал над эпистолярным жанром и свои мысли о нем и стилистические требования к этому жанру изложил в статьях о переписке Вольтера и в заметке по поводу опубликования писем Тургенева.

В статье о переписке Вольтера, напечатанной в 1830 г. в «Современнике», он обронил несколько очень ценных замечаний о значении переписки великих писателей для потомства. Пушкин видимо сам сознавал значение своей переписки: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное как отрывки из расходной тетради или записки к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначительные слова, тем же самым почерком и, может быть — тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов»¹.

Что же Пушкин считал необходимым для хорошего письма? Характеризуя письма де-Броссе к Вольтеру, он говорит: «Ученость истинная, но никогда не отягощенная педантизмом, глубокомыслие, шутливая острота, картины, набросанные с небрежением, но живо и смело, ставят его книгу выше всего, что писано было в том же роде»². В письмах Тургенева, напечатанных в «Современнике» под заглавием «Парижская хроника русского», Пушкин отмечает «глубокомыслие, остроумие, верную и тонкую наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, которые везде пробиваются сквозь небрежность и беглость выражения». «Мы предпочли сохранить, — пишет Пушкин, — в этих письмах живой, теплый, внезапный отпечаток мыслей, чувств, впечатлений, городских вестей, бульварных, академических, салонных, кабинетных движений, так сказать стенографировать эти горячие следы, эту лихорадку парижской жизни»³. Эти слова целиком приложимы к замечательным письмам Пушкина. Идейное и языковое богатство писем Пушкина — общепризнанный факт. «Письма Пушкина — книга, без которой нельзя знать Пушкина, нельзя проникнуть в его эпоху» — говорит Лернер. Эти слова в равной мере можно приложить и к языку Пушкина. Без обращения к переписке Пушкина невозможно понять и изучить язык и стиль Пушкина. Письма Пушкина один из замечательнейших документов истории русского литературного языка.

Многие русские писатели и критики высказывались о языке писем Пушкина. Очень высокого мнения о письмах Пушкина был И. С. Тургенев. «Несмотря на свое французское воспитание, — пишет Тургенев, — Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени». Тургенев подчеркивает в письмах Пушкина «меткость и как бы невольную красоту выражения»⁴. С Тургеневым перекликается Анненков, называющий письма Пушкина «литературной драгоценностью». «Тому, конечно, много способствует язык: это постоянно один и тот же блеск молодого, свежего и замечательно основательного ума, проявляющийся в бесчисленных оттенках выражения»⁵. Лернер называет стиль Пушкинских

¹ Пушкин, Акад. Наук, 1928, IX, 314

² Там же, 315.

³ Там же, 377.

⁴ Письма Пушкина, Академия, I, с. XV

⁵ Там же.

писем «грудой слитков золотого русского слова»¹. В Брюсов называет язык Пушкина «удивительно метким». Пушкин умеет в немногих словах сказать «о самой сущности вопроса, притом живо и ярко»². Модзалевский видел значение Пушкина в истории литературы в том, что он своими письмами положил «основание для правильного и успешного развития литературного языка на началах художественной простоты»³.

Анализ языка писем Пушкина особенно важен для уяснения генезиса поэтической речи Пушкина. Эпистолярная проза явилась для Пушкина своеобразной лабораторией, в которой он пробовал сплавливать самые разнообразные источники русской литературной речи. Язык прозы, как показал сам Пушкин, образовался позднее стихотворного языка. Еще в 1824 г. Пушкин жаловался: «Проза наша еще так мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для понятий самых обыкновенных, и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны». Пушкин признавался, что прозой владел хуже, чем стихотворной формой: «Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет Гоголь»⁴. Основная трудность прозаической формы заключается по Пушкину в том, что в отличие от стиха проза требует большей содержательности: «Проза требует мыслей и мыслей; блестящие выражения ни к чему не служат: стихи дело другое (впрочем и в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей позначительнее, чем у них обыкновенно водится)».

К прозе Пушкин пришел не сразу. Долгое время он называет прозу «презренной»⁵, «прозой-мякиной»⁶, иногда называет ее иронически «смиренной». По наблюдению Эйхенбаума, поворот к прозе у Пушкина совершается в 1833—35 годах. В это время Пушкин обнаруживает некоторую стандартность и застарелость стихотворного языка. «Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что современем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. Пламень неминуемо тащит за собой камень. Из-за чувства выглядывает непременно искусство. Кому не надоела любовь и кровь, трудный и чудный, верный и лицемерный и пр.»⁷. Пушкин в это время чувствует настоятельную необходимость в разработке русской прозаической формы. В «Рославлеве» он замечает, что «нельзя же от всех читателей требовать исключительной охоты к стихам». И далее Пушкин замечает: «В прозе мы имеем только Историю Карамзина»⁸.

Самым лучшим прозаиком своего времени Пушкин считает П. А. Вяземского. К нему он обращает свои постоянные просьбы обраба-

¹ Лернер Н. О. Проза Пушкина, изд 2-е, М 1923.

² Брюсов В. Новости пушкинской литературы, Р. М 1912, III.

³ Письма Пушкина, Академия, I, с XXXI.

⁴ Пушкин, Акад. Наук, IX, 117.

⁵ «Прощай, стихов новых нет — пишу записки — но и презренная проза мне надоела» — пишет Пушкин в письме к брату Л. С. в 1825 г (Пушкин — Письма С. I, 179).

⁶ «Стихотворении помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой; на то проза — мякина». Высказывания Пушкина о прозе подобраны Лернером (см. «Проза Пушкина», М. 1923, с. 11).

⁷ Пушкин, Акад. Наук, 1923, IX, 139.

⁸ Эйхенбаум В. М. Сквозь литературу. Сборник статей. Л. 1924.

тывать русский прозаический стиль. Еще в 1822 г. Пушкин пишет П. А. Вяземскому: «Предприми постоянный труд..., пиши в тишине самовластья, образуй наш метафизический язык (так Пушкин называет язык критической и научной прозы), зарожженный в твоих письмах, а там что Бог даст»¹. Прозу Вяземского Пушкин называет в одной из своих критических заметок — живой, оригинальной. В 1823 г. он снова возвращается к кн. П. Вяземскому с просьбой: «ради Христа, прозу то не забывай; ты да Карамзин один владеют ею».

Среди всех корреспондентов Пушкина Вяземский наиболее близок к Пушкину в стилистическом отношении. Пушкин был очень скромен, когда он называл среди лучших прозаиков своего времени только Карамзина и Вяземского. Лучшим прозаиком своего времени был несомненно Пушкин. Через свои эпистолярные опыты Пушкин пришел к художественной прозе. К началу 40-х годов этот переход от стихов к художественной прозе наметился уже вполне отчетливо. По подсчетам Эйхенбаума², Пушкин в 1831 г. пишет всего семь стихотворений, в 1832 г. — девять, из которых 2 неоконченных и 4 альбомных, в 1833 г. — восемь, из которых одно лирическое, а в 1834 — всего три, в то время как в годы 1828, 1829—1830 Пушкин писал не менее 30 и даже больше стихотворений в год. В 1834 г. Пушкин пишет: «Поэзия, кажется, для меня иссякла. Я весь в прозе, да еще в какой»³.

Эпистолярная проза питала не только художественную прозу Пушкина, но и его стихотворный стиль. Эйхенбаум совершенно прав, когда говорит: «Пушкин создавал свою прозу на основе своего же стиха»⁴. Это легко проследить в ритмике пушкинской эпистолярной прозы. Пушкин часто пишет свои письма почти как стихи:

«Что Плетнев умолк.
Конечно бедный болен,
Иль Войнаровский не доволен» (137).

$$\begin{array}{cccccccccccc} \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\ \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \\ \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup & \cup \end{array}$$

Это трехстопный ямб.

«Плетневу поклон да пара слов —
на днях к нему пишу» (141).

Вторая строчка строгий трехстопный ямб.

Совсем по-стихотворному звучит строчка письма:

«Час от часу пустеет свет,
пустей дорога перед нами» (440).

Встречается в письмах и явная звуковая инструментовка: «Я устал и болен — потому вам и не пишу более» (229).

Также часто находим в стихах Пушкина заимствование отдельных мыслей и образов из писем различных корреспондентов.

Эпистолярный стиль Пушкина вырос на работе предшественников — писателей, разрабатывавших эпистолярную прозу. Среди учи-

¹ Письма, Academia, I, 249.

² Эйхенбаум В. М. Сквозь литературу. Сборник статей. Л. 1924, с. 166.

³ Пушкин. Письма С III, 168.

⁴ Эйхенбаум В. Н., Назв раб., 166.

телей Пушкина в эпистолярном мастерстве необходимо отметить Карамзина и Жуковского. В данной работе мы не можем детально обследовать этот вопрос. Это — задача особого исследования. Но некоторые сопоставления необходимо сделать. Карамзина и Пушкина сближали в первую очередь тенденции к обработке нашего делового прозаического языка. Карамзин высказывал еще до Пушкина в письме к Боннету мысль о необходимости обработать язык прозы: «язык наш хотя и богат, однако не так обработан, как другие, и по сие время еще весьма не многие философские и физические книги переведены на Русский. Надобно будет составлять или выдумывать новые слова, подобно как составляли и выдумывали их немцы, начав писать на собственном языке своем». В некоторых случаях влияние прозы Карамзина на эпистолярный стиль Пушкина чувствуется чрезвычайно отчетливо. Например, совсем по-карамзински звучат следующие строки письма Пушкина: «Простите мне долгое молчание, любезный Михайло Петрович; право всякий день упрекая себя в неизвинительной лени, всякий день собираясь к вам писать и не собрался» (275). Модзалевский указывал, что в эпистолярном искусстве Пушкин был без сомнения учеником Карамзина и Жуковского, которые, в свою очередь, были воспитаны на западных образцах этого литературного жанра¹.

Н. О. Лернер называет В. А. Жуковского «непосредственным учителем Пушкина». Действительно, Пушкин все время относился к Жуковскому с большим уважением. Когда в 1825 г. «Сын отечества» недобржелательно отозвался о Баратынском и Жуковском, Плетнев с возмущением писал Пушкину: «Браняться за Баратынского, как будто он в своей раме не совершенство, какого только можно желать. Бранятся за Жуковского, как будто не с него начался у нас чистый поэтический язык» (120). Должное отдает Пушкин Жуковскому и в истории русского литературного языка. В письме к Рылеву (1825) Пушкин пишет: «Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности: к тому же переводный слог его останется всегда образцовым» (117). В ответном письме Рылеву пишет: «не совсем прав ты во мнении и о Жуковском. Несомненно, что Жуковский принес важные пользы языку нашему: он имел решительное влияние на стихотворный слог наш — и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за влияние его на дух нашей словесности, как пишешь ты. К нещастию, влияние это было слишком пагубно: мистицизм, которым проникнута большая часть его произведений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали» (127).

В противовес Рылеву Пушкин заявлял, что «не следует кусать грудь кормилицы, потому что зубки прорезались». Пушкин называл себя не «следствием», а подлинным учеником Жуковского: «Я... только тем и беру, что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной» (160). Эта «проселочная дорога», однако, оказалась основным путем развития русского литературного языка.

В раскрытии картины эволюции пушкинского стиля и языка огромное значение приобретает, таким образом, язык пушкинской переписки. В своих письмах Пушкин претворял «язык быта» в факт

¹ Письма Пушкина, Academia, I, предисл. с. VI.

литературного значения. Изучение пушкинских писем дает ценнейшие данные для характеристики пушкинской грамматики, для составления словаря пушкинского языка, его орфоэпии и для истории языка Пушкина в целом.

1. ОРФОГРАФИЯ И ПРОИЗНОШЕНИЕ ПУШКИНА

Еще проф. Е. Ф. Будде указывал, что в правописании Пушкина открыто много весьма важных фактов для истории русского литературного языка. Значение пушкинской орфографии, как драгоценного свидетеля живого пушкинского слова, было учтено впервые Саитовым, который постарался с полной точностью сохранить особенности орфографии поэта в академическом издании пушкинских писем 1907 г. Новое академическое издание под редакцией Модзалевского следует той же весьма ценной для историка русского языка похвальной традиции. Пушкин очень часто писал так, как произносил, и тем необычайно приближал свою письменную речь к живой разговорной речи своего времени. Само собой понятно, что Пушкин не преследовал цели совершенно точного воспроизводства живого слова в его звучании, он пользовался определенной системой правописания, но в меру своей грамотности, поэтому в его письмах проглядывают часто весьма характерные отступления от правописных норм его времени, обнажающие живое произношение его эпохи и пушкинской среды — русского образованного дворянского класса. Таким образом, по правописанию Пушкина можно сделать заключение о характере его произношения.

В системе пушкинской орфографии мы можем отметить наличие следующих принципов: 1) соблюдение традиционной для своего времени орфографической системы, 2) сознательное изменение этих принципов, выдвигание своих орфографических правил, основанных в целом ряде случаев на вдумчивом отношении к языку; в целом ряде случаев предложенные Пушкиным новые правила совпадают с современной нам системой правописания и 3) применение фонетического принципа, т. е. письмо согласно с произношением. Этот последний вид пушкинских орфограмм для нас наиболее интересен.

В настоящее время орфоэпия переживает состояние кризиса. Те нормы литературного русского произношения, которые были созданы дворянством и буржуазией, сильно колеблются. Анализ пушкинских орфоэпических норм представляет исключительный интерес, поскольку именно с Пушкина начинается свое бытие русская литературная речь, тем более в ее стихотворном жанре, основанном исключительно на звуковой стороне слова, на акустическом впечатлении от речи. Известно, какое большое внимание уделял Пушкин звуковой стороне своего стиха. По рассказам современников он был образцовым чтецом своих произведений. При чтении стихов Пушкин несколько напевал стих, оттеняя мелодическую сторону стихотворения.

Основной, самой характерной чертой московского литературного произношения является «аканье», т. е. произношение неударяемых орфографических *о* в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому, как *а*, а в слоге заударном (закрытом) и во втором от ударения к началу слова, как *ь* (гласный неполного образования

задне-среднего ряда, близкий к **ы**, но с сохранением некоторого характера гласного **а**.

Вторая особенность московского литературного произношения т. н. «иканье» (или у некоторых москвичей «еканье»), т. е. произношение неударяемых орфографических **е**, **я** и **а** в слоге **ча** (в сочетании с аффрикатой **ч**), как **е** или **и**: **ребина** и **рибина**, **чесы** и **чисы**. Во второй позиции, т. е. в самом слабом неударяемом положении, на месте этих орфограмм мы находим звук **ь**, т. е. гласный неполного образования передне-среднего ряда (средний между **е** и **й**).

В большинстве случаев Пушкин воспроизводит на письме безударные гласные так, как они произносились в живом языке.

Приведем примеры фонетических написаний в слоге перед ударением (первая позиция):

Здравъ (10) — Пушкин пишет так это слово еще в 1819 г.: «Прости любезный будь здаров и не хандри» (424); о жене: «теперь она слава богу здарова» (783); также Пушкин пишет слово **здаровье** (57), «поправляюсь въ моемъ здаровьи» (281), «обжирайся на здаровье» (276); преодалѣвший (783); егаза Пушкинъ (4); Греція взбунтавалась (23); карабль плыль (16); праказник (123); гр. Салагубъ (513); апека (552); мы разини (185); «Иезуиты наталкавали намъ о вемистоклѣ и Периклѣ (88); брадыга (977); каляска (16); далой (89); окалѣю (373) и др.

Такое фонетическое письмо, непосредственно отражающее аканье московское произношение, довольно устойчиво держится в продолжение всей жизни Пушкина.

Такое же правописание характерно для ближайшего друга Пушкина **Нащокина**: кантора (657), умазреніе (621), талкують (621), такава (794).

Также часто встречается фонетическое написание и для второй позиции: Че батаревь (68), да казать (706), катаржниковъ (379), лапшадей (184), выбрасила (63), Паливановъ (419).

Вместе с этим у Пушкина встречается много случаев нарушения принятой орфографии и в другом направлении: орфографическое **а** он заменяет буквой **о**: безолаберный (257), корета (538), продовать (78), броды (68), косается (361), коковъ (316), рукова (63), докожу (513), колмыкъ (42), Корсоков (241), составленіе (255), предлагаетъ (79), остонавливають (56), подрождаетъ (140), Пугочевщина (537) и др. Вряд ли можно видеть в таких написаниях отражение влияния севернорусского диалекта. Повидимому, Пушкин безразлично относился и к употреблению буквы **о**, и к употреблению буквы **а**. Можно отметить, пожалуй, только один случай сознательного написания: «Онегинъ мой рстетъ» (89). Пушкин производил это слово от русского **рост**, а не старославянского **растение**.

Отчетливо отразил Пушкин в своем правописании **иканье**: **собиришь** (221); но сочетание **ча** Пушкин произносил с **е**: Чедаев (14; 444). Так же писал фамилию Чадаева и Нащокин (14). Еканье после звука **ч** было, видимо, общепринятой чертой тогдашнего произношения: так, например, Киселев приписывает к письму Пушкина в 1830 г. «Пушкинъ жениться на Гончеровой».

Орфографическое **е** во второй позиции отчетливо передается через **и**: напишишь (10), выздоровилъ (140), надѣяться (142) голинъкой (873), будите (вм. будете), все перемелится (202)

опротивила (98), плотнинькая (535), удостоинь (492). Встречается и написание получешь вместо получишь (13), вполне закономерное, как отражение гласного неполного образования на письме.

Для пушкинского произношения чрезвычайно характерно иканье. Еканье, как известно, свойственно севернорусскому, а не московскому произношению. «В речи уроженцев окающих местностей, — говорит проф. Д. Н. Ушаков, — хотя бы и утративших уже оканье, мы часто слышим отчетливое безударное е, особенно в первом предударном слоге: весна, прекрасный»¹.

Самый больной вопрос сейчас в московском произношении, по мнению проф. Щербы, — вопрос об еканьи и иканьи. «Принципиальное принятие икающей ориентации грозило бы максимальными расхождениями с письмом и привело бы к большому разброду в орфографии, что едва ли целесообразно»². Но можно ли вообще отождествить правописание и произношение? Невозможно: между письмом и произношением всегда будет разница. Вопрос об еканьи нужно разрешить в плане использования культурного наследия прошлого в русской орфоэпической системе. Показаниям пушкинского произношения в данном случае принадлежит видное место.

Кроме того, известно, что в московском произношении наибольшей фонематичностью характеризуются гласные ударяемые и затем согласные. Их комплекс прежде всего определяет слово и их изменение приводит к переходу данного слова в другое слово или же к его искажению. мол—мал, пол—пал, мир—мор и пр.³

Для характеристики редуцированных гласных очень любопытны показания пушкинской орфографии при передаче на письме редуцированного ы. Как известно, акустически редуцированное ы очень близко к звуку ь, в котором совпадают в литературном произношении орфографическое о и а. Отсюда у Пушкина замена орфографического о ы буквами о и а: проповѣдовал (196), вымали (227).

Относительно употребления буквы ъ в пушкинском правописании необходимо сделать следующее общее замечание. Из таких написаний, как: преждѣ (110), вышѣ (88), Мѣлкий (386), нѣчего (119), о сѣнью (53), легчѣ — с одной стороны, и нечего, осень и пр., — с другой, видно, что Пушкин не придавал букве ъ особого фонетического значения, да и не мог придавать, так как в эпоху Пушкина ъ и е уже не различались.

Пушкин произносил и писал: плотить, плотишь, уплочень и пр. «Кто плотить за шампанское ты или я» (379), «Долгъ Плещееву заплочень» (1028); также писал это слово Бестужев: «Ты будешь заплочень сторицей за труды» (135). В данном случае Пушкин передавал на письме живое произношение. «В литературной речи в настоящем времени глагола «платить» пишут «платишь», «платят» и т. д., а произносят плотишь, плот'ат и т. д.; также пишут «заплагчен», «уплагчен», а произносят «заплоч'ьн, уплоч'ьн»⁴.

Слово тряс Пушкин произносил трес и отражал на письме это

¹ Ушаков Д. Н. Русская речь, сборник 1928 г., статья «Русская орфоэпия и ее задачи», с. 24.

² Щерба Л. В. О нормах образцового русского произношения, 1936, V, 117.

³ Ср. Каринский Н. А. Очерки языка русских крестьян, Соцэпиз, 1936, с. 69.

⁴ Карскии. Русская диалектология, 1924, с. 32.

произношение: «Я тресъ, тресъ ее (комедию — рукопись) и ждал не выпадет ли хоть четвертушка почтовой бумаги» (Из письма к Кюхельбекеру, 1825 г., 183). Мы и сейчас произносим трес, а не тряс.

Целую, поцелуй в московском произношении произносят: цалую, пьцалуй¹. Пушкин писал эти слова согласно с произношением: цалую (478), «Няня заочно у васъ Ольга Сергѣевна ручки цалуетъ — голубушки моей» (180), «пацалуй себя в пупокъ, если можешь» (281), «за ея поцалуюемъ являюсь лично» (550). Так же пишут и корреспонденты Пушкина: Цалую, Плетнев (524), Вяземский (204). Впрочем, такое написание во время Пушкина было довольно обычным.

Любопытно написание и мяненъ вместо имянини и одиноковы вместо одинаковы: «Тальи наши одиноковы» (105). Слово замешан (от глагола замешать) Пушкин писал по-разному: не замѣшенъ, не замѣшанъ. Эти написания свидетельствуют о том, что в данном слове Пушкин произносил ни е и ни а, но какой-то другой звук, для которого не было значка в традиционной орфографии. «Несомненно, — говорит акад. Н. С. Державин, — что Пушкин произносил здесь так называемое широкое е, тот самый звук, который и сейчас мы произносим в этом и аналогичных случаях, но пишем, согласно требованиям орфографии, «замешчен» от глагола замесить и «замешан» от глагола мешать. В двойственном начертании одного и того же слова, несомненно, сказалась орфографическая неустойчивость Пушкина».

В московском литературном произношении согласный звук ч всегда мягкий. Пушкин отражает мягкость согласного ч на письме: Николай Алексѣевичъ (392), Афанасий Николаевичъ (407), мечъ (40), бичъ (40), «балы съ плечъ долой» (783), лучъ (41), Гнедичъ (52), 18 тысячъ (392), палачъ (144).

Орфографическое щ выговаривается в литературном произношении, как долгое ш мягкое, поэтому Пушкин пишет: плащъ (318), плющъ (939). В заметках 1830 г. Пушкин останавливается на произношении слова женщины: «Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив. Звучные буквы щ и ч пред другими согласными в нем изменены. Мы даже говорим: женщины, нослег»². Сочетание сч произносится в московском произношении, как долгое ш мягкое. Пушкин передает этот звук буквой щ: щастливъ, щастливецъ, нещастье, щетъ, щитаю³: «Имею щастье быть» (407); нещастье (77); «Щастье вашей внуки будет священная, единственная моя цѣль» (332); «Щитай по пальцам» (401); «Я женатъ и щастливъ» (408); «вы все еще тревожитесь на щетъ приданого» (407).

Краткое ш, наоборот, Пушкин отмечает, как твердое. Так этот звук произносится и сейчас: кончиш (ъ).

Очень часто Пушкин отмечает на письме ассимиляцию согласных звуков: завяски (119), въ фурашкѣ (537), дватцать (535), прозъба (41). Такие же фонетические ошибки обильно представлены в письмах Нащокина: не натяшкой (794), похотка (698), «Подай трупку, чаю» (698).

¹ Ушаков Д. Н., Назван. работа, с. 24.

² Пушкин. А. С. Сочинения, ГИХЛ. 1936, VI, 127.

³ Державин Н. С. О языке и орфографии Пушкина. Книга и Революция, 1920, № 6, с. 16.

Сочетание **чн** Пушкин произносил, как **шн**: **яишница**¹. Нащокин писал также: «окружен ка ба ш на ми отставными оберъ-офицерами» (657).

Согласные плавные перед мягкими произносятся мягко. В Москве произносят: **банъщик**, **дъверь**, **дефъки**, **корьмитъ**, **перъве нецъ**. Некоторые слова теперь уже произносят с твердым согласным, например, **зеркало**, **зверский**. Пушкин произносил эти слова с мягким **р**: **во-перъвыхъ** (112), **веръхомъ** (551).

Двойные согласные в словах **Россия**, **русский** Пушкин не изображал: **Росія** (72). Эта особенность его правописания отражает живое произношение.

Пушкин старался проводить в орфографии единый принцип написания слов с представками **воз**, **раз**, **низ**, **из** с сохранением **з** во всех случаях, и перед звонкими и перед глухими согласными. В данном случае Пушкин применял морфологический принцип, которым следовало бы заменить наше правило, построенное на фонетическом принципе. Пушкин чаще писал: **разтался** (40), **разсчетъ** и **розчетъ** (426), **до востребованія** (413), **изпугали** (395), **изкупленье** (122), «**круглая сумма изтаила**» (783), **произшествіе** (23), **снизхождение** (1) и др.

Наряду с написаниями вроде **разстроивали** (407) Пушкин пишет **разтались** (179), **разказала** (316), т. е. сливая два следующие рядом с (рассказала, расстались) разного морфологического происхождения (первое от предлога **раз**, второе от основы **сказ**) в одно **с**, и свое правильное произношение в данном случае Пушкин подчиняет своему орфографическому принципу, не считаясь с морфологическим составом слова². Этим принципом, хотя и неверно примененным, следует объяснить и пушкинские написания: **въ разпложъ** (1127), **Разтопчинъ** (337), **разстетъ** (72).

В правописании частей речи у Пушкина следует отметить такие особенности. В родительном падеже личного местоимения единственного числа Пушкин писал **ея**: «**вы изумитесь правотъ и вѣрности прелестной ея головы**» (91). Во множественном числе местоимения 3-го лица **онъ** для всех трех родов: **пьесы — онъ**, **стихи — онъ**. «**Повидимому, — замечает по этому поводу Н. С. Державин, — Пушкин говорил оне, что однако нуждается в более детальной проверке, потому что у него же встречается и написание — они**»³.

Окончательного решения этого вопроса можно ожидать после исследования пушкинских рифм. Очевидно, в эпоху Пушкина были употребительны обе формы: и **они**, и **оне**. Во всяком случае рифма Лермонтова, исследованная Кошутичем, обнаруживает такое произношение: **стране — оне**, **на войне — оне**, **стороне — оне**, **стене — оне** и наряду с этим: **в тени — они**, **не брани — они** и т. д.⁴

В именах существительных отметим родительный падеж женского рода: для **гrechанкъ** (108), «**при разборе новой пѣитикъ басень**», здесь можетъ быть еще живое отражение старинной формы родительного падежа. Ср. у Нащокина: для **императрицъ** (657).

¹ Там же, с. 16.

² Там же, с. 17.

³ Там же, с. 18.

⁴ Кошутич В. Грамматика русского языка, I, Гласови, Птгр., 1919, с. 403. Примеров из Пушкина Кошутич не привел.

Безударное окончание имен существительных в предложном падеже: въ теченьи десяти лѣтъ (193), о черкешенки (53), о коляски (184), о Стеньки (252). Этому же закону подчиняется и винительный падеж: «Съ братомъ въ сношеніи входить не намѣрень». Здесь написание согласное с произношением. Редуцированное *н* отражено в написании: вмѣстѣ съ Ломоносовомъ» (85). Редуцированный гласный отражен в окончании родительного падежа множественного числа после твердого *ц*: «кто вступился за нѣмцовъ» (118), восемь мѣсяцовъ (17), однако, приэтом Образцѣвъ (237).

Формы именительного падежа имен прилагательных мужского рода Пушкин пишет с окончанием *ой* (чаще всего). Это окончание соответствует живому народному — *ой*, литературному — *ѣй*. Теперь это окончание все более и более сближается с орфографическим. Примеры: всякой день (275), всякой случай (529), всякой вздоръ (824), маленькой Юсифъ (510), итальянской глаголь (38), на возвратной путь (546), «Онъ литераторъ весьма твердой» (О Николае I Погодину, 521), силачъ необычайной (43), народной успехъ (503) и т. д. О произношении — *ѣй* свидетельствует и рифма Пушкина:

Вотъ онъ, пріютъ гостепріимной,
Пріюгъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили Вѣчный мы союзъ (42)

Ср. в «Пророке»: лукавый — десницею кровавой. О таком произношении свидетельствует и рифма других поэтов пушкинской поры, например, Лермонтова (см. примеры у Кошутича) и правописание друзей Пушкина: гвардейской мундиръ (Алексеев, 309), великой грекъ (Вяземский, 12), Жуковской (Дельвиг, 374) и др.

О характере этого окончания Н. С. Державин замечает: «несомненно в этих случаях Пушкин говорил ни — *ой*, ни — *ѣй*, а что-то другое, повидимому то же, что сейчас говорим и мы»¹.

Формы родительного падежа имен прилагательных мужского рода единственного числа Пушкин пишет по-разному. Можно отметить в его письмах три различных типа написаний: 1) с окончанием — *аго*, согласно с традиционной орфографией его времени: миролюбиваго друга; 2) с окончанием — *ого*, как и в современной орфографии, например, русского дворянства; 3) — *ова*; последнее окончание отражает несомненно пушкинское произношение. Форма родительного падежа имен прилагательных на — *ова*, как известно, отмечена во многих севернорусских областях. Это окончание отразилось в литературном — *ѣва*: добръѣва, желтъѣва. Пушкин произносил это окончание так, как теперь произносим его и мы: большова числа (448), до другова раза (211), такова мнения (140), Трубецкѣва (88), Полевѣва (140), Толстѣва, Шаховскѣва (40) и др.

Соответственно этому, в мягкой разновидности склонения мы видим у Пушкина написание: синева моря и пр. Наряду с такими написаниями встречаются и другие: какого вамъ послѣ него

¹ Державин, Назв. работа, с. 17. «Любопытно, — отмечает Державин, — что Пушкин часто пишет слова приятель, приятно, приятную так же, как мы пишем теперь, а не по законам своей современной орфографии, т. е. приятель, приятно, приятную. Очевидно, для Пушкина было совершенно безразлично писать *і* или *и*, т. к. эти буквы обозначали один звук».

(т. е. каково); *Вот каковó море наше хваленое (244). По поводу этих написаний Н. С. Державин говорит: «Формы живого произносимого языка на ова ассоциируются у Пушкина с графемами на ого, и под влиянием этой ассоциации произносительно-слухового представления с ссределенной графемой он и пишет какого вместо каково море наше хваленое и т. п., распространив таким образом графему формы родительного падежа на ого и на форму именительного падежа. Этот случай еще раз убеждает нас в том, что формы родительного падежа имен прилагательных в языке Пушкина имели окончание ова»¹.

Рифма Пушкина подтверждает этот вывод. Пушкин рифмовал: любова — ни слова, младова — снова, Петрова — земнова и т. д.².

В именительном падеже множественного числа Пушкин писал безразлично во всех трех родах два окончания: 1) традиционно-орфографическое — **ья, яя** и 2) — **ие, ие** (а иногда такое же, как в современной орфографии — **ие**): русские стихи (2), в чужие край, Полотняные заводы (858). С другой стороны: Неважные обвинения и правительства (101), пишу пестрыя строфы (77). Н. С. Державин делает следующее заключение из анализа этих графем: «Безразличное употребление на письме этих окончаний объясняется тем, что ни одно из них не соответствовало действительному произношению Пушкина: очевидно, он говорил как то иначе»³. Повидимому, Пушкин произносил в данном случае такой же звук, какой произносим и мы, т. е. редуцированное **и**.

В глагольных формах Пушкин также отражал в своей орфографии живое произношение, например, в безударных окончаниях глаголов: «Стихи твои не утѣшутъ меня». (46).

Инфинитив в возвратной форме Пушкин не различает от 3-го лица: «Если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится»; «дай ей денегъ, сколько ей понадобится» (104); «Батюшковъ правъ, что сердиться на Плетнева». (41); «Немѣдленно и онъ явится къ тебѣ» (138).

Наречия Пушкин пишет обыкновенно не сливая их составных частей: «въѣхать въ слѣдъ» (1024); «Гуляешь-ли ты по Черной Рѣчкѣ или еще въ заперти» (539); «до зарѣза (1022), до сыта» (196); «Соболевского оставляю на единѣ съ Швейцарскимъ сыромъ» (534); «Думы Рылѣва и цѣлать, а все не въ попадѣ» (146); «Какъ можно писать такъ на обумѣ» (144); съ нова (227), съ дуру (534), по лучше, по злѣе (13), въ полъ-пьяна (85), на перекорѣ (53); «человѣкъ не много порядочный» (72); во преки (76); Не лѣзяли мнѣ доставить или жизнь Желѣзного колпака или Житіе какогонибудь Юродиваго» (172); «Не лѣзя, мой Ангель (545); «Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался. Быть не лѣзя; уничтожь это вранье» (39).

Последний пример очень интересен с точки зрения истории наречия **нелѣзя**. «Быть не лѣзя», т. е. «быть не может». **Лѣзя** в древне-русском языке значило «можно». В одной из старинных песен говорится: «Лѣзя-ли милую любить», т. е. можно ли. Повиди-

¹ Державин Н. С., Назв. работа, с. 26

² Там же, с. 18.

³ Там же.

тому, в эпоху Пушкина наречие нельзя еще не успело окончательно сложиться. С этой точки зрения интересно у Пушкина правописание наречия пожалуйста: «Съ отцомъ пожалуйста не входи в близкія сношенія и дѣтей ему не показывай... Того и гляди откусить у Машки носикъ» (808). Пушкин разделяет составные части наречия сейчас: «Сей часъ отняли у меня экземпляръ Надеждина» (395) и др. Именно Пушкин пишет по-старинному: имянно (386, 219, 122).

Отметим также фонетические написания наречий в прочемъ, покамѣсть.

Отрицание не Пушкин чаще всего пишет вместе со словом: набѣгъ ненапрасен (536); «я был сам несвой» (806); неправда ли (397); отрицание с глаголом: неприходило, непродашь (515), холера не-унимается (414), человѣка (т. е. лакея) невзял (478), неспрашивай (437), нискажу (415), немогу (362), недождусь (514), недошло (156) и т. д.

Также часто Пушкин пишет вместе предлог со словами: «пиши освоей грудницѣ» (534), «Екатерина Ивановна научить тебя как совсѣмъ этимъ поступить» (514).

Остановимся на правописании отдельных слов. «Однако буду в Синбирскѣ» (539). Написание Синбирскѣ фиксирует, видимо, живое произношение Пушкина под влиянием народной формы этого слова, отражающей процесс диссимиляции двух одинаковых по месту образования согласных б и м (оба согласных губо-зубные). Любопытно написание Фомусов вместо Фамусов (119). Повидимому, Пушкин произносил в этом слове о вместо а. Чрезвычайно любопытно написание босо-ножка (151).

Очень интересен у Пушкина раздел иностранных написаний. Приведем примеры: альманакъ (105), аневризмъ (190), анѳологическіе стихи (57), аевизмъ (77), генварь (234), она лечится омеопатически (1010), демокогъ (275), Эвропа (68), эвангелскій (68), в Крыму (видимо, под влиянием французского Crimée), калембургъ (144) — от Calembourg¹, клобъ (119), Кранштатъ (817), Карлсбатъ (205), обахта (вместо гауптвахта: «Цензор Никитенко на обахте под арестом») ², понктоальный (от французского ponctuel), рюматизм (от французского rhumatisme) (515), сивилизація (от французского civilisation), тѣтло (148), тѣпографія (449), ценсировать (159), ценсура (1122) и цензура (43).

Некоторые иностранные слова Пушкин воспринимал как сложные: «Борецкій съ нимъ слишкомъ за Пани-брата» (385); «Теперь думаю отправить его въ полкъ капель-мейстеромъ» (783) (немецкий Karpelmeister), Бахчи-сарайской фонтанъ (60).

Иностранные слова с двойными согласными часто передавались Пушкиным с одним согласным: окуратенъ (548), «он человекъ окуратный». Но рядом с этим есть и написания: драммы (148), литература (86). Проф. Д. Н. Ушаков делает такое замечание по поводу двойных согласных в иностранных словах: «Не надо думать, что двойные согласные, пишущиеся по привычке в иностранных словах, нужно так и произносить. Наоборот, во многих очень упот-

¹ Хотя слово произносится «каламбург».

² Пушкин, Сочинения, ГИХЛ 1936, VI, 421.

ребительных словах двойная согласная — признак дурного произношения. Так нужно произносить с одной согласной: акорд, акуратно, алея и пр.»¹.

В письмах Пушкина есть очень интересные заметки о правописании отдельных слов.

Фейерверк. Правописание этого слова в эпоху Пушкина, видимо, еще не установилось. Об этом свидетельствует следующее замечание Пушкина в письме к жене: «Сегодня фейворокъ или фейерверкъ» (856). Любопытно, что Пушкин чаще писал фейворокъ (см. письмо 861).

Ангел. Опираясь на греческое слово *αγγελος*, Пушкин не знал точно, какой форме дать предпочтение: ангел или аггел: «Новое издание очень мило — съ богомъ, — милый Ангелъ или Аггелъ Асмодей» (63).

Лицей. «Никогда Лицей (или ликей, только, ради Бога, не лицей) не казался мнѣ такъ несноснымъ какъ въ нынешнее время» (2). Пушкин протестует против написания фамилии Фон-Визин: «Незабудь Фонъ-Визина писать Фонвизинъ. Что онъ за нехристь? Онъ русской, изъ перерускихъ руской» (105).

Иногда Пушкин транскрибирует русскими буквами иностранные выражения. Эти транскрипции носят шуточный, комический характер. «Тебѣ уже не нужно потрясеній кензь-эль-ва и пліе, для разсѣнія своего домашнего горя» (783) или «Бель-с-ёрам поклон. Как надобно сказать: бель-с-ёры или бель-с-ёри» (934).

В целом можно сказать, что орфоэпическая система Пушкина довольно близка к нормам современного литературного произношения.

II ЛЕКСИКА ПИСЕМ ПУШКИНА

Если фонетический строй пушкинской речи представлял собой довольно устойчивое явление, то нельзя того же сказать о лексике. На лексике с наибольшей отчетливостью можно проследить эволюцию языка Пушкина. Лексика пушкинских писем особенно интересна тем, что по ней можно отчетливо установить «те кипящие, но мутные источники», пользуясь словами Пушкина, которыми питалась его речь и которые он не побоялся, вопреки устоявшейся литературной традиции своего времени, использовать в языке литературы.

Под «кипящими, но мутными источниками» Пушкин имел в виду, в первую очередь, живой бытовой язык. Эта бытовая речь дворянства и особенно живая народная речь, которую Пушкин противопоставлял «языку дурных обществ» (языку полуобразованного мещанства и мелкой буржуазии), явилась тем основным источником, которым питалась речь Пушкина. Европейский образованный человек, обладавший гениальным чувством меры, Пушкин впервые в истории русской литературы поднял русский национальный язык до высоты «европейского литературного языка».

Общеизвестно, что Пушкина называют «основоположником русского национального языка». Это совершенно справедливо. Но, чтобы вполне оценить это положение, надо рассмотреть язык Пушкина в исторической перспективе, на фоне той ожесточенной борьбы, которая протекала вокруг литературного языка в эпоху Пушкина. Пушкин принимал в этой борьбе самое горячее участие. Он страстно

¹ Ушаков Д. Н., Назв. работа, с. 28.

отдавался литературной борьбе и проблемами языка не переставал живо интересоваться всю свою жизнь. Он мечтал и о словаре русского языка и о составлении грамматики живого русского языка, которая пошла бы вразрез с официальной грамматикой Н. Греча. Самый источник этой грамматики — язык кругов, близких к III отделению, был для Пушкина неприемлем. Вполне возможно, что именно эту «официальную» грамматику имел в виду Пушкин, когда признался П. Осиповой: «Я вот отродясь не учил грамматики и никогда ее не знал, а слава богу, пишу помаленьку и совсем безграмотен»¹. В действительности же Пушкин изучал грамматику живого русского языка, «сию геральдику языка» по его собственному выражению. Без такой грамматики Пушкин не мыслил себе труд писателя.

Господствующим стилем литературного языка в первой четверти XIX в. все еще продолжал оставаться «высокий стиль». Трудно поверить, что «Уrania» Ф. И. Тютчева, правда еще ученическое произведение, и «Руслан и Людмила» Пушкина написаны в один и тот же год, настолько различны их язык. Сравним несколько строчек.

Тютчев: Рекла Уrania и скиптром помавает,
И бледную, изъязвленную главу
Италия от sklep железных освобождает,
Рвет узы лютых змей, на выю ставши льву...
Всего начало здесь... Земля благословенна,
Долины, недра гор, источники, леса
И ты, Везувий сам! Ты бездна раскаленна,
Природы грознья ужасная краса².

Пушкин: В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гриднице высокой
Владимир-солнце шировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана,
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал³.

Это два совершенно разных литературных языка, две совершенно разных исторических эпохи. Борьбу с «высоким стилем» старой дворянской литературы за новый «европейский стиль» начал Карамзин. Сторонники Карамзина стояли за полную светскость, за изгнание церковнославянской лексики из литературного русского языка. Это стремление к европеизации литературной речи выпукло выразил сторонник Карамзина Макаров в формуле: «Слог церковных книг не имеет никакого сходства с тем, которого требуют от писателей светских»⁴. Нормой этого «светского языка» школа карамзинистов избирает язык «дамского дворянского салона». Язык «светской дамы» становится мерилom литературного вкуса. Язык «светской дамы» конца XVIII в. представлял собой пеструю смесь русских слов из бытового дворянского лексикона того времени и слов из западноевропейских языков, главным образом и по преимуществу французского. Галлицизмы составляли главную основу этого языка, причем

¹ «СПб Ведомости», 1866 г., № 199.

² Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений, Academia, М.-Л. 1933, с. 98.

³ Пушкин А. С., ГИХЛ 1936, II, 197.

⁴ Макаров П. Сочинения и переводы, I, ч. 2., с. 35.

в нем были представлены не только лексические, но и фразеологические калки, вроде: считать за должность, взять абшид, быть на сцене, выходить на сцену, брать участие в печали и пр. Национальные лексические элементы, главным образом из народного крестьянского языка, строго отбирались по принципу «не мешать изяществу слога, его эlegantности и приятности».

Об этом принципе отбора национальных лексем свидетельствует характерное письмо Карамзина к поэту Дмитриеву (22 июня 1793 г.): «Жаворонок очень хорош. Я хотел бы, чтобы стих и о любви не помыпляла был глаже, и чтобы вместо встрепенясь поставили другое слово: надобно сказать встрепенувшись. Пичужечка не переменяй, ради бога, не переменяй! Твои советники могут быть хорошими в другом случае; а в этом они неправы. Имя пичужечки для меня отменно приятно, верно потому, что я слышал его в чистом поле от поселян. Она возбуждает в душе нашей две любезныя идеи: о свободе и о сельской простоте. К тону твоей басни нельзя прибавить лучшего слова... — То, что не сообщает нам дурной идеи, не есть низко. Один мужик говорит пичужечка и парень: первое приятно, второе — отвратительно. При первом слове воображаю красный летний день, зеленое дерево на цветущем лугу, птичье гнездо. порхающую малиновку или пестручку и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: вот гнездо! вот пичужечка! При втором слове является моим мыслям дебелый мужик, который чешется неблагопристойным образом, или утирает рукавом мокрые усы свои, говоря: ай, парень, что за квас! Надобно признаться, что тут нет ничего интересного для души нашей. И так, любезный мой нельзя ли вместо парня употребить другое слово»¹.

Таким образом, основным принципом отбора национальных слов был для Карамзина эмоциональный тон слов, то, что Карамзин называл эlegantностью. Этот эмоциональный тон определялся требованиями дворянского салона.

Наконец, еще одной основной особенностью стиля карамзинистов нужно считать перифразу, с помощью которой достигалось изящество стиля. Например, вместо слова рыба, как слишком обыденного, бытового, карамзинисты писали «предмет пропитания».

Европеизация дворянского языка, которую проводил Карамзин, в какой-то степени была прогрессивным явлением. Недаром со времени Карамзина в русский литературный язык вошли прочно созданные Карамзиным, путем калькирования иностранных слов, термины — трогательный, потребность, явление, промышленность, влияние, должность, переворот и др. Но основа стиля карамзинистов была слишком узкой, чтобы удовлетворить потребности растущей буржуазии. Для развития общенационального языка буржуазия нуждалась, во-первых, в более свободном и широком использовании национальных элементов (крестьянского языка), во-вторых, — городской буржуазии и мещанства. Пушкин жил в бурное время образования нового литературного языка, когда особенно остро были поставлены вопросы об его новых источниках.

«Новый стиль» Карамзина вызвал отрицательное отношение

¹ Погосин, Н. М. Карамзин, по его письмам, сочинениям и отзывам современников. Материалы для биографии, М. 1866, с. 223.

прежде всего в среде старого феодального дворянства. Борьба с Карамзиным особенно разгорелась перед так называемой «отечественной войной», когда особенно обострился дворянский национализм. Борьбу с Карамзиным возглавил Шишков. Течение шишковистов оформилось к 1811 г. в виде общества «Беседа любителей русской словесности». Шишков в первую очередь восстает против «французской основы» карамзинского стиля. Поэтому и стиль карамзинистов Шишков называет «французским слогом». Шишков более всего возмущен калькированием французских слов на русский язык. Так, по слову «переворот» трудно догадаться, что это перевод французского *révolution*.

Для того, чтобы понимать кальки Карамзина, нужно, прежде всего, учиться французскому языку. Возмущает Шишкова и устранение старославянских слов из нового стиля: «Как могут обветшать прекрасные и многозначащие слова, таковые например, как: *дебелый, доблесть, присно, и от них происходящие: одебелеть, доблий, приснопамятный, приснотекущий* и тому подобное¹.

Перифразы Карамзина также вызывают со стороны Шишкова иронически-насмешливое отношение: «Чего доброго, скоро станут говорить вместо платок — предмет моего сморкания», а вместо дрова — «предметы потопления печей». Но особенно недоволен Шишков непосредственным переносом иностранных терминов в русский язык. Шишков боялся, что «неприметно» вместе с французским словом, калькой и французской перифразой, перейдут на русскую почву «революционные идеи французской буржуазии». Всякое иностранное слово, по мнению Шишкова, есть уже «помешательство (т. е. помеха) процветать своему собственному». Что же касается необходимости в новых словах и терминах, то их нужно создавать, опираясь на русский язык. Неологизмы Шишкова, которыми он заменял иностранные слова, воспринимались как курьез еще в начале XIX в. Он, например, предлагал вместо *ки и й* говорит шаропих или шаротык — вместо *тротуар* — топталище, вместо *пенсне* — носодавка, и т. д. Зачем говорить *сцена*, когда есть русское слово *явление*. Шишков приводит следующие параллели: *акт* — действие, *уныние* или *задумчивость* — меланхолия, *мифология* — баснословие, *религия* — вера и т. д.².

Карамзинисты объединились в литературное общество «Арзамас». Арзамасцы, в сущности, продолжали дело Карамзина в области создания русского европеизированного литературного стиля. Социальной базой этого стиля арзамасцы попрежнему оставили «дамский дворянский салон». Русский литературный язык мыслился ими как язык европеизированных дворянских салонов. Образцом должен был явиться для него изощренный, утонченный язык французских аристократических салонов XVIII в. Молодой Пушкин принял самое деятельное участие в «Арзамасе», получив шутивную кличку «Сверчок». В начале своей деятельности молодой Пушкин стал решительно на сторону «европейцев», как называли себя карамзинисты. Да иначе и быть не могло. Пушкин, как и большинство дворян его времени, получил французское воспитание и образование. Пушкин не раз сам сознавался, что французский язык он знает лучше русского.

Но очень скоро Пушкин обнаружил недостатки стиля и языка «ев-

¹ Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российском, с. 46.

² Там же, с. 343.

ропейцев». Его не могла удовлетворить прежде всего необычайно узкая социальная база «французского слога». Новые темы, интересовавшие Пушкина, требовали выхода на широкую дорогу национальной русской речи. Он скоро увидел, что так называемая «приятность» слога переходила у последователей Карамзина в изысканность, вычурность и приторность речи.

С 20-х годов начинается для Пушкина чрезвычайно бурный период его литературного творчества. Язык Пушкина все время находится в движении, в бурном росте, как бы отражая все пережитые классовый борьбы вокруг языка. Основой литературного русского языка Пушкин твердо признает язык простолюдина (крестьянства) и близких к ним кругов городского мещанства, но в то же время отталкивается от языка городской мелкой буржуазии, особенно тех ее слоев, которые тянутся за «дворянской модой», которые слишком безвкусно и неуклюже «европеизируют» русский язык.

В конце своей жизни Пушкин вступает в период сознательного освоения и ассимиляции наиболее ценных сторон и достижений языка феодальной эпохи. В это время изменяется его отношение к старославянскому языку, элементы которого он признает структурной основой русского литературного языка наряду с языком «простонародным». Но в то же время «славянофильские» тенденции Шишкова, с одной стороны, и позиция Даля, признающего единственной основой литературного языка крестьянское просторечье — с другой, Пушкина не удовлетворяют. До конца своей литературной работы Пушкин остается «европейцем», сознательно воспринимающим и ассимилирующим на русской почве ценнейшие стороны западно-европейской буржуазной культуры и языка.

Таким образом, в течение своей короткой, но чрезвычайно плодотворной литературной деятельности Пушкин полностью освоил и ассимилировал три главнейших элемента русской речи: старославянскую (феодалную) основу старой дворянской речи, европейскую (главным образом — французскую) и национальную — крестьянскую. Борьба за максимальную простоту, точность и ясность литературной речи была той основной задачей, которую гениально выполнил Пушкин, которой он служил всей силой своего художественного гения. Точность и правдивость его языка изумительны. Живое русское народное слово, этот «кипящий, но мутный источник» литературной речи, получило под пером Пушкина гениальную обработку европейски образованного мастера.

Именно переписка Пушкина обнаруживает особенно ценную для нас черновую работу Пушкина над русским словом. Чаще всего письма Пушкина носят на себе «отпечаток мгновенного настроения, первого подвернувшегося слова»... «язык их то отрывистый, сильный, сжатый, выражающий бурное течение мысли, то плавный и вдумчивый, когда мысль уступает тихому элегическому чувству воспоминаний, то кипучий и плавный, как сама страсть, которая управляла в иные минуты пером поэта»¹.

Стилистическое разнообразие и богатство пушкинских писем изумительно. Эпиграммы, шутки, сценки, остроты сменяются серьезными замечаниями о русской жизни, литературе, искусстве и политике — блестящими «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».

¹ Пушкин. Письма, Академия I, с. XXVII.

В них, несмотря на стилистическую сложность построения, исключительная непринужденность языка. Чувствуется, что письма Пушкина воспроизводят живую, подлинную речь поэта. По словам Лернера, в письмах Пушкина «слово почти не чувствуется», — «из тяжелой грубой ткани, которой мы одеваем нашу мысль и чувство, чтобы передать их другому», Пушкин превращает его в «воздушную, прозрачную оболочку, которая ничего не ослабляет и не скрывает, а лишь молниеносно освещает предметы»¹.

Основное, что необходимо отметить в творческом методе Пушкина: он не изобретал слов и оборотов для нашего литературного языка, но широко пользовался тем живым материалом, который постоянно усваивал, собирал и воспринимал в практическом общении с разными лицами, с представителями разных классов, с которыми говорил и сталкивался. Проф. Е. Ф. Будде совершенно правильно отмечает, что Пушкин, как «свидетель языка своего времени достоин самого полного доверия со стороны науки, и его произведения представляются нам первоисточником несомненной важности для изучения и построения истории нашего литературного языка»².

Лексическое разнообразие писем Пушкина исключительно богато. С необыкновенным мастерством и чувством художественной меры Пушкин приводит в движение все составные элементы речи: от высокой церковнославянской лексики до грубоватого порой, но всегда меткого простонародного слова. «Он не боялся, — говорит Н. О. Лернер, — таких архаических форм, которых давно избегал заботливый и осторожный Карамзин, и не отступал перед неологизмами и варваризмами, когда признавал их нужными. Пушкинский слог можно определить именно как блистательный образец художественной простоты, достигаемой самыми разнообразными средствами, которыми поэт распоряжается с самодержавной властью великого гения, прорубающего себе дорогу. Галлицизмы мелькают рядом с славянизмами; новые, еще почти чуждые русскому уху слова стоят рядом с ветшающими старинными формами»³.

Пушкин обнаруживал огромный интерес к словарной работе. В 1826 г., когда Академия Наук готовила 3-е издание словаря русского языка, Пушкин писал: «Ныне Академия приготавливает 3-е издание своего словаря, коего распространение час от часу становится необходимее. Прекрасный наш язык под пером писателей и неученых и неискusstvenных быстро клонится к падению. Слова искажаются, грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого»⁴.

Даль свидетельствует, что Пушкин внимательно вслушивался в народную русскую речь, живо воспринимал каждое яркое, образное народное слово. «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, — рассказывает Даль, — как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений — я не раз бывал свидетелем»⁵.

¹ Пушкин, Письма, Academia, с. XXX.

² Будде Е. Ф. Из истории русского литературного языка, Ж. М. Н. Ц. 1901, II, с. 406.

³ Лернер Н. О. Проза Пушкина, изд. 2-е, М. 1923.

⁴ Пушкин, ГИХЛ, V, 295.

⁵ Даль В., «Напутное слово» к словарю, I, 10.

Пушкин интересовался словарем такого памятника, как «Слово о полку Игореве». Однажды после лекции, которую он посетил в Московском университете, он спросил Бодянского (который считался знатоком «слова»), что значит слово *харалужный* (Из «Слова о полку Игореве»). — «Не могу объяснить» — ответил Бодянский. Тот же ответ последовал и на вопрос Пушкина о слове *стрикусы*. Когда Пушкин спросил еще о слове *кмет*, Бодянский ответил, что, вероятно, это слово малороссийское от «*кметыти*» и может значить «примета».

«То-то же, — говорил Пушкин, — никто не может многих слов объяснить и не скоро еще объяснят»¹.

Бодянский неправильно объяснил и слово «кмет». Кмет — поселянин, крестьянин. Предсказание Пушкина сбылось полностью. Долго еще трудилась русская наука над расшифровкой многих слов в тексте «Слова о полку Игореве».

Когда Пушкин познакомился с романом Лажечникова «Ледяной дом», он написал автору 2 ноября 1834 г. письмо, в котором, между прочим, спрашивал о слове «хобот», заинтересовавшем его: «Позвольте сделать вам филологический вопрос, коего разрешение для меня важно: в каком смысле упомянули вы слово *хобот* в последнем вашем творении и по какому наречию» (946).

Лажечников в ответном письме дает Пушкину разъяснение: «Теперь объясню Вам, почему я употребил слово *хобот* в Ледяном доме и кажется еще в последнем Новике. Всякой лихой сказочник вместо того, чтобы сказать *таким-то образом*, *таким-то путем* пользуется выражением *таким-то хоботом*. Я слышал это бывало от моего старого дядьки, слышал потом не раз в народе московском, следовательно по наречию великороссийскому» (948).

Интерес к словарной работе был у Пушкина настолько велик, что он делает попытки составлять небольшие словарики. Например, в его записях сохранился специальный словарь соколиной охоты (т. VI, с. 327), он описывает отдельные игрецкие термины и затем использует их в письмах: «Разве не видишь ты, что мечут нам чистый баламут» (379), баламут — шуллерский способ разложения карт в колоде. В 1830 г. он пишет Вяземскому: «А мы еще *понтирuem*» (379).

В 1835 г. он сообщает в письме П. А. Вяземскому целый проект словаря русского языка.

Араб (ж. р. не имеет), житель или уроженец Аравии, Аравитянин. Караван разграблен степными арабами.

Арап, ж. арапка — так обыкновенно называют негров и мулатов. Дворцовые арапы, негры, служащие при дворе. Он выезжает с тремя нарядными арапами.

Арапник от польского *Heapnik*.

Приведя конкретные примеры для словаря, Пушкин заключает письмо к Вяземскому: «А право не худо бы взяться за Лексикон, или хоть за критику лексиконов». В проекте Пушкина, в сущности, дается план построения словаря и весьма рациональный, которому теперь в большинстве случаев и следуют при составлении словаря языков. Каждое слово должно быть объяснено со стороны своего значения,

¹ Бартецев. Рассказы о Пушкине под ред. Цявловского. М. 1925, сс. 49-50 и 124.

по возможности приведена этимологическая справка об его происхождении и, наконец, приведен пример или примеры его использования в контексте.

Что особенно важно подчеркнуть в языковой работе Пушкина, это ее необычайную широту. Пушкин ищет все новых и новых языковых источников, он обнаруживает интерес все к новым и новым языкам. Не довольствуясь прекрасным знанием французского языка, Пушкин учится английскому. «Мне нужен английский язык, — пишет он в 1825 г. П. А. Вяземскому, — и вот одна из невыгод моей ссылки; не имею способов учиться пока пора» (177). Английскому языку Пушкин выучился в 1829 г. и в чрезвычайно короткий срок. В «Московском Телеграфе» за 1829 г. сообщалось, что «Пушкин выучился английскому языку — кто поверит этому — в четыре месяца! Он хотел читать Байрона и Шекспира в подлиннике — и через четыре месяца читал по английски, как на своем родном языке»¹.

Пушкин знал итальянский язык, а в 1825 г., задавшись проблемой «цветущего восточного слога», Пушкин изучает Магомета. Он читал «Коран», чтобы написать свои «Подражания Корану». По свидетельству Киреевского, в 1832 г. Пушкин стал учиться древнееврейскому языку с намерением переводить Иова (Из письма Киреевского к Языкову, 10 октября 1832 г.). Пушкин чрезвычайно чутко относился ко всем языкам, даже не европейским, в его словаре мы найдем следы его внимательной, вдумчивой работы над языками: латинским, греческим, украинским, польским, татарским, английским, итальянским, древнеболгарским, древнееврейским, французским, немецким и русским. Пушкин был не на словах, а на деле космополитом и с полным правом он мог сказать о себе в 1836 г.:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Как и в языке каждого образованного европейца, в языке Пушкина встречается довольно много слов из классических языков — латинского и греческого. В большинстве случаев это слова, прочно вошедшие в международный культурный словарь времени Пушкина, вроде «пироскаф» (пароход): «Я провожал их до пироскафа». Это слово было очень употребительно в эпоху Пушкина. «Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами» (40).

Любопытно использование латинских и греческих слов в насмешливо ироническом смысле: «Созови мой Ареопаг, т. е. Жуковского, Гнедича и Дельвига» (96) — пишет Пушкин.

Но Пушкин весьма критически относился к насаждению в русском языке сугубо научных терминов. Он насмешливо относился к терминам Киреевского в статье «Девятнадцатый век»: «супранатуралисты» или к выражениям: «политеизм стал буйством последних своих сектаторов» (Из статьи Киреевского «Об императоре Иулиане»).

Часто встречаются в письмах и античные образцы. Пушкин пишет Катенину о комедии Корнелия «Сид»: «она должна произвести

¹ Пушкин, Переписка. Академия, III, 313

больше ужаса, чем чаша Атреева» (38). Атрей — мифический царь Аргосский.

«Но отдохнув после Илиады, что предпримите вы в полном цвете Гения, возмужав в храме Гомеровом, как Ахилл в вертепе Кентавра» (124).

В ранних письмах Пушкина часто встречается латинское приветствие *vale*, но вскоре оно исчезает из его писем, особенно после 1822 г., когда Пушкин начал «Евгения Онегина» и осмелел это приветствие в известной строфе:

Латынь из моды вышла ныне
 Так, если правду вам сказать,
 Он знал довольно по латыне,
 Чтоб эпиграфы разбирать,
 Потолковать об Ювенале,
 В конце письма поставить *vale*,
 Да помнил, хоть не без греха,
 Из Энеиды два стиха.

(VI строфа)

Пушкин сознавал, что время классического образования прошло. Еще в 1825 г. он писал Бестужеву: «Изучение новейших языков должно в наше время заменить Латинский и Греческий — таков, дух века и его требования» (187). Но это не препятствовало Пушкину охотно употреблять целые выражения на латинском языке в своих письмах: «*Parve (nec invidio) sine me, liber, ibis in urbem. Neui mihi! quo domino non licet ire tuo. Ne из притворной скромности прибавлю: vade, sed incultus; qualem decet exulis esse*» (34).

Первая фраза из 1-й книги Овидия «*Tristia*»: «Книжечка! Без меня пойдешь ты (и я этому не завидую) в город, в который господину твоему не позволено идти». Оттуда же взята и последняя фраза: «Иди хоть и не нарядная, какими и подобает быть изгнанникам».

В том же письме в одну из фраз вставлена часть латинского выражения: «Благодарю за подробное донесение, знаю, что долг платежем красен, но *non erat his locus* (здесь не место для этого)» — намек, что письма перлюстрируются и прочитываются полицией.

Когда Погодин предполагал издавать альманах «Уrania», Пушкин писал ему: «*Quod licet Uranide, licet* тем паче М. Вестнику; не только *licet*, но *decet*» (252). В переводе: «Что позволено Урании, — позволено тем паче Московскому Вестнику; не только позволено, но и подобает». Пушкин пародирует здесь известную латинскую поговорку «*Quod licet Jovi, non licet bovi*».

В письме Дельвигу (1828 г.) — «*Vale et mihi pavere*, — как Евгений Онегин» (281).

«Сей час получил 2 000 руб. — мой благодетель! *Satis est, domine, satis est!*» (Довольно, господин, довольно!) (403).

В письме к Гнедичу (1823 г.): «*Vale, sed delenda est censura!*» (404) (Прощай, но цензура должна быть уничтожена!).

«Гнедич хочет купить у меня второе издание Русл. и К. Пль. — но *timeo danaos*, т. е. боюсь, чтоб он не поступил со мной, как прежде» (58).

«Святая Русь мне становится не в терпезь. *Ubi bene ibi patria. А мне bene там, где растет трин-трава, братцы*» (72).

Бестужеву о неправильно напечатанных стихах Пушкин пишет: «Это простительно Воейкову, но *et tu autem, Brute!*» (73).

«Верно есть бочки per fas et nefas, продающиеся в ПБ. (о шампанском) — купи что можно будет подешевле и получше» (106).

О втором послании к цензору: «Так Арзамасец (в 1825 г.) говорит ныне о деде Шишкове. Tempora altri!» (118).

Как видно из приведенных примеров, а их можно было бы умножить, латинские цитаты у Пушкина встречаются двух родов: 1) литературные цитаты, 2) ходячие выражения, вошедшие в язык образованного дворянства, получавшего в лицеях и гимназиях классическое образование.

Полонизмы в переписке Пушкина встречаются редко. Так, проф. Некрасов отметил полонизм, употребленный Пушкиным в письме к кн. Репнину (11 февраля 1839 г.): «С глубочайшим почтением и совершенной преданностью есть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою Александр Пушкин». (т. VII, 394). Два других таких же полонизма встречаются в черновых его бумагах¹.

Отметим полонизм, употребленный в комических целях: «Брат, обнимаю тебя и падам до ног» (127).

В шутовском же значении употребляет Пушкин и украинизмы: «Ну уж погода! Знаю, что не так страшен черт, як его малюют, знаю, что холера не опаснее Турецкой перестрелки — да отдаленность, да неизвестность — вот что мучительно» (373). Еще пример: «Вот тебе цидула Одоевского» — пишет он Соболевскому (747).

Любопытная татарская переделка русского выражения в письме к Н. Н. Пушкиной (1833 г.), как отзвук путешествия по Казанской губ.: «Старам стала и умом плохам» (о себе) (549).

Его же выражение употребил Нащокин в письме к поэту: «старая стала, глупая стала». Повидимому, это выражение ведет начало в кружке Пушкина от кн. Мещерского (ум. в 1799 г.). Он был при Екатерине II казанским наместником и далеко не блистал способностями. Какой-то татарин казанец сказал о нем эти слова².

Английская лексика предстает в письмах Пушкина меньше, чем французская. В большинстве случаев это слова, связанные с великосветским бытом.

Клоб. «Заклучай с поваром какие хочешь условия, только бы не был я принужден отобедать дома, ужинать в клобе» (521); «Вечером бываю в клобе» (818); «В клобе я не был» (537). Во времена Пушкина употребительнее была форма клоб, а не клуб, как сейчас. Ср. Грибоедова — «Все английского клуба старинный верный член до гроба».

Некоторые из этих английских слов еще не успели руссифицироваться, воспринимались как иностранные, и Пушкин пишет их по-английски:

«Вечером rout у Фикельмона»³.

«Попал на вечер у одной Blue Stocking» (синий чулок). Калька «синий чулок» еще не была в ходу в то время (1833).

«Лев Серг. является. Я перед ним извинился, как перед гастро-

¹ Некрасов. К вопросу о значении А. С. Пушкина в истории русского литературного языка. «Памяти А. С. Пушкина», юбилейный сборник журнала «Жизнь», 1899, с. 23.

² Пушкин. Письма, Academia, III.

³ Пушкин. Сочинения, ГИХЛ VI, 364.

номом, что не ожидая его, заказал себе только ботвинью да beefsteaks» (804).

Слова итальянского происхождения представлены в письмах Пушкина также в незначительном числе. Повидимому, Пушкин знал итальянский язык хуже других. Об этом свидетельствует часто ошибочная транскрипция итальянских слов у Пушкина. В заметке о «Ромео и Джульете» Шекспира (1829 г.) Пушкин называет итальянский язык «роскошным, исполненным блеска и concetti» (блестяще выраженные, тонкие мысли). Об интересе Пушкина к итальянскому языку свидетельствует, между прочим, и замечание Пушкина об одной из строк стихотворения Батюшкова («Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус, любви и очи и ланиты») — «Звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков!»

Довольно часто Пушкин употребляет в конце писем обращение addio, например, в письме к жене: «Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro quando mai ti rivedrò» (540), т. е. «Прощай, моя красавица, мой кумир, мое прекрасное сокровище, когда то я тебя увижу». Пушкин неправильно написал idol mio — следовало: idolo mio.

Из других случаев отметим «Чорт с ними и с цензором и с наборщиком и с tutti quanti!» (176).

Из немецких слов следует отметить частью видоизменившиеся на русской почве слова, частью совсем исчезнувшие в современном языке:

К а р а ф и н (теперь графин): «Перед ним к а р а ф и н воды».

А б ш и д: «На днях хандра меня взяла, подал я в отставку, но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой а б ш и д, что я ветрухнул и христом и богом прошу, чтобы мне отставку не давали» (205).

Ф и л и с т е р: «Однако я жду вас любезный ф и л и с т е р». Немецкий — разночинец Пушкин употребил это слово в значении студент. Немцы студентов называют буршами, филистер же спокойный гражданин.

А С. Пушкин выше всего ставил французскую культуру и просвещение. Не раз в письмах к своим друзьям Пушкин называет себя «европейцем». Он все время мечтал о поездке за границу, даже однажды совсем было собрался «бежать» без разрешения правительства, но мечты его не осуществились. Феодалная Русь, тяжкий полицейский гнет императорской России были для Пушкина невыносимы. Россия жандармов, сыска, крепостничества была для Пушкина «проклятой». Мечтая о поездке за границу, он пишет П. А. Вяземскому: «Когда-нибудь ты скажешь: Ай-да Пушкин, он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится, ай-да умница» (208).

Французский язык был исключительно близок Пушкину. Это был язык его воспитания, бытовой язык той дворянской среды, из которой вышел поэт. Время Пушкина — это эпоха французского влияния на русскую культуру. Дворянское общество охотнее пользовалось в быту французским языком и редко, только по нужде, прибегало к русскому. Даже такие передовые люди эпохи, каким был, например, Чаадаев, предпочитали французский язык русскому. Язык Пушкина, особенно язык бытовой, отразившийся в его переписке, пестрит галлицизмами на каждом шагу. Он не только не избегал заимствований из французского языка, но охотно ими пользовался,

видя в них не недостаток, а необходимость¹. «Метафизический», так Пушкин называл деловой прозаический стиль, язык критики, научной и критической прозы, еще не успел образоваться, и русский европейски образованный писатель вынужден был силою вещей обращаться к услугам обработанной деловой французской точной речи. В 1825 г. Пушкин пишет В. А. Жуковскому, посылая ему черновик прошения на высочайшее имя: «Пишу по-французски, потому что язык этот деловой и мне более по перу». На французском же языке Пушкин вел переписку и с дамами. Очень интересно, что Н. Н. Гончаровой, пока она была его невестой, Пушкин писал письма только на французском языке, а когда она стала его женой исключительно по-русски.

Когда в 1831 г. Чаадаев написал Пушкину: «Écrivez moi en russe, il ne faut pas que vous parliez d'autre langue que celle de votre vacation» (Пишите мне по-русски, вам не следует говорить на ином языке, кроме языка вашего призвания) — Пушкин ответил своему другу: «Mon ami, je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière que la nôtre, et nous continuerons nos conversations commencées jadis à Sarsko-Selo et si souvent interrompues» (Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы; он мне привычнее нашего, и мы будем продолжать наши беседы, начавшиеся когда-то в Царском селе и так часто пррывавшиеся» (438).

Еще Анненков обратил внимание на множество рассеянных там и сям у Пушкина полурусских, полуфранцузских фраз, которые он отметил, «как особенность пушкинского таланта». «Удивительно развитое чувство русского языка, — говорит Анненков, — нисколько не портилось и нисколько не потемнялось в нем тем, что он мыслил иногда на чужом языке»².

Проследивая значение русского слова, Пушкин обращается к французскому языку и в нем ищет эквивалента. «Междуусобный, — пишет он П. А. Вяземскому в 1825 г., — значит *mutuel*, но не заключает в себе идеи брани, спора — должно тут непременно дополнить смысл» (171).

В ответ на это письмо П. А. Вяземский писал: «Междуусобное не отвечает *mutuel*, а *intestin*, которое впрочем на французском языке не имеет отдельно смысла мною приписываемого» (204).

Задумавшись над употреблением слова случай в стихе Батюшкова,

Колен перед случаем во век не преклоняет,
И в хижине своей с фортуной обитает

— Пушкин приписал «*faveur* — не то».

«*Vina, culpa faut*, — пишет он П. А. Вяземскому, — *simbole teméraire, faut déplorable de l'ignorance*. У нас слово вина имеет два значения: одно из них здесь не имело бы смысла» (92).

Сопоставление русского слова с французским имело у Пушкина определенное значение. Таким сопоставлением поэт хотел устранить «семантическую гибкость» (выражение В. Виноградова) русского слова. «Ссылка на французское выражение, — говорит Виноградов...

¹ Лернер Н. Проза Пушкина, М. 1922 с. 19.

² Там же, с. 16

замыкает значение русского слова, фразы в ясные и твердые семантические границы»¹.

В письме к П. А. Вяземскому Пушкин поясняет русский глагол «презирать» французским *braver*: «презирать (*braver*) суд людей не трудно» и этим подчеркивает тот оттенок значения, который, переселившись в русское слово из французского, ярче всего теперь обнаруживается в таких фразах, как «презирать опасности» (*braver les dangers*), «презирать смерть» (*braver la mort*), т. е. выказывать презрение к чему-нибудь, отсутствие страха, боязни»².

В критических статьях Пушкина такие пояснения русских слов французскими встречаются довольно часто. Приведем несколько случаев, отмеченных Виноградовым³: простодушие (*naïveté, bonhomie*); сила рассуждения (*discussion*); пошлая простонародность (*vulgarité*); хорошее общество (*bonne société*); известность (*popularité*); самобытность (*individualité*). Приведем один пример в контексте: «Место публики встретит она тот же малый, ограниченный круг — и оскорбит надменные его привычки (*dédaigneux*), вместо созвучия, стголосока и рукоплесканий услышит она мелочную привязчивую критику»⁴.

Такие пояснения встречаются иногда и в письмах: преувеличение (*exagération*)⁵.

Наряду с этим необходимо отметить и обратное явление, когда Пушкин старается подыскать эквивалентное выражение в русском языке для французского: «у нас нет слова, которое выражало бы французское *resignation*, хотя это душевное состояние, или, если хотите, качество вполне русское. Слово столбняк, пожалуй, передает его с наибольшей верностью» (462)⁶.

Свои первоначальные замыслы и конспекты Пушкин часто оформлял на французском языке. Часто Пушкин в своих черновиках смешивает оба языка: французский и русский. Так, например, по-французски записаны программы «Сцен из рыцарских времен» и драмы о палессе Иоанне. План романа «Русский Пелам» записан на смешанном языке: «Он влюбляется в бедную светскую девушку, увозит ее, впадает в бедность, *cherche des distractions chez sa première maîtresses;... devient escroc et dueliste, доходит до разбойничества... знакомится с Ф. Орловым dans la mauvaise société, помогает ему увести девушку... devient l'exécuteur testamentaire de Ф. Орлов... Une danseuse. Пельмов с нею знакомится... Дружится с Zavadovski... Норовой et son duell et проч.*». Таким же языком изложены программы статей о дворянстве: «дворянство la sauve garde трудолюбивого класса... *Lâcheté de la haute noblesse (между прочим и моего пращура Никиты Пушкина) Pierre I.—Son указ de 1714... Pierre III. Истинная причина Дворянской грамоты. Екатерина — Alexandre — Новосильцев, Чарторижский — Кочубей — Speransky — Porovitch turbulent et ignoré.*»

Как видно из отдельных примеров, некоторые русские фамилии в конспектах Пушкина транскрибированы по-французски. Даже слово

¹ Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. Academia. 1935, с. 264.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Пушкин, ГИХЛ VI, 138

⁵ Виноградов В. Очерки по истории русского языка XVIII—XVIII вв. Учпедгиз, 1934.

⁶ Цит. в переводе с французского текста.

попович передано французской орфографией. Очень любопытны сочетания: son указ, указ de 1714 г.¹

Письма А. С. Пушкина подтверждают это наблюдение. В письмах мы наблюдаем самое непринужденное соединение русского языка с французским. Перед нами живая речь образованного дворянина, получившего французское воспитание. Приведем примеры:

Из письма к жене: «Успел только съездить в баню, а об городе (Казани) скажу только тебе *les rues sont larges et bien pavées, les maisons sont bien baties*» (539) (Улицы широкие и хорошо вымощены, дома хорошо построены).

«Получил я письмо от Соболевского, которому нужны деньги для *râtes de fois gras*» (549) (паштет из печенки).

Из письма к жене: «Я не ревнив, да и знаю, что ты во все тяжкие не пустишься; но ты знаешь, как я не люблю все то, что пахнет Московскою барышней, все, что не *comme il faut*, все, что *vulgar*» (550).

Сравните в Евгении Онегине:

Она казалась верный снимок
Du *comme il faut*... (Шишков, прости
Не знаю, как перевести)

(строфа XIV)

Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar* (Не могу...
Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести:
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быгь ему в чести.
Оно б годилось в эпиграмме

(строфы XV—XVI)

«Я видел письмо Чечерина к отцу, где сказано *il y a lieu d'esperer que tout finira sans guerre*» (395).

«Он (Юсупов) знал Ф. Визина, который несколько времени жил с ним в одном доме. *C'etoit un autre Beaumarchais pour la conversation*. Он (помнит), знает пропасть его *bonmots*, да не припомнит» (397).

«Теща моя не унимается: ее не переменяет ничто, *ni le temps, ni l'absence, ni de lieux la longueur*» (455) (ни время, ни разлука, ни расстояние).

Ту же манеру использования французского выражения найдем в письмах П. А. Вяземского к Пушкину:

«Что за охота *chercher midi à quatorze heures* в побуждениях самых чистых, в поступках самых открытых и простых» (204).

«Прежде стихи действовали на меня почти физически, щекотали чувства *les sens*» (106).

Очень любопытно у Вяземского скрещенное полурусское, полуфранцузское слово: «Власть любит *general-изировагь*» (12).

Сравнительно редко французское выражение выступает у Пуш-

¹ Впервые, кажется, эту особенность пушкинских конспектов отметил Н. О. Лернер («Проза Пушкина», М 1923, сс. 17—20). «Анненкову был известен,— сообщает Лернер,— один черновой листок из пушкинских бумаг, где записаны имена *Russlande et Ludmilla*: «первая мысль о названии поэмы,—говорит биограф,—представилась Пушкину во французской форме» (там же, с. 18).

жина в шутливом искажении. В письме к П. Вяземскому (1819) он пишет: «Баратынский у меня — я еду часа через три. Обедать не дождусь, а будет у нас завтрак вроде *en petit souragé* — Постараемся напиться не *en grand cordonnier*, как сапожники а так чтоб быть *en petit souragé* под куражем» (287).

Французское слово у Пушкина часто приобретает русский суффикс: кузинка — «Кузинки трещат, как галочки» (1014); из письма к жене: «О твоих кокетственных сношениях с соседом говорить мне нечего» (861).

Но несмотря на свое французское воспитание, Пушкин горячо любил и хорошо знал русский язык. П. А. Вяземский рассказывает следующий характерный случай. Однажды он прочел Пушкину свое послание Жуковскому: «К кому был Феб из русских ласков». В этом стихотворении была строчка о том, что русский язык беден рифмами. Пушкин необыкновенно рассердился. «Как хватило в тебе духа, — сказал он мне, рассказывает Вяземский, — сделать такое признание. Оскорбление русскому языку принимал он за оскорбление лично ему нанесенное»¹.

В статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» Пушкин сравнивает русский язык с французским и отдает предпочтение русскому: «Если уж русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам, неспособен к переводу подстрочному, к переложению слово в слово, то каким образом язык французский, столь осторожный в своих привычках, столь пристрастный к своим преданиям, столь неприязненный к языкам, даже ему единоплеменным, выдержит такой опыт, особенно в борьбе с языком Мильтона, сего поэта, вместе изысканного и простодушного, темного и запутанного и выразительного и своенравного и смелого даже до безумия»².

В русском языке Пушкин находит основное достоинство: «общежительность и переимчивость» по отношению к другим языкам. Пушкин высказывает в данном случае мысль, близкую к мысли Белинского: «русские — наследники целого мира».

После изучения французского влияния на язык писем Пушкина становится ясным, какую огромную работу проделал Пушкин в изучении русского языка. «Изучение живой народной речи, старой письменности и великое художественное чутье сделали свое дело, — говорит Н. О. Лернер. — Художественная проза далась Пушкину после упорного труда, более упорного и настойчивого, чемковка стихов. В его тетрадях сохранился целый ряд грамматических замечаний и наблюдений, показывающих, как усердно учился он прозаическому языку»³.

Основным фондом лексики Пушкина был и оставался все время русский народный язык.

При всей своей любви к французскому языку и французской литературе Пушкин именно тем и велик, что создал русский национальный язык литературы и критики. Пушкин считал нашу литературу «младенческой». В письме из села Михайловского Вяземскому от 13 июля 1825 г. Пушкин писал: «Ты хорошо сделал, что явно

¹ Проф. Некрасов, Назв. работа, с. 210.

² Лернер Н. О., Назв. работа, с. 20.

³ Лернер Н. О., Назв. работа.

заступился за галлицизм. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай Бог ему когда-нибудь образоваться на подобие: французского (ясного, точного языка прозы, т. е. языка мыслей)».

В «Евгении Онегине» (строфа XXIX) он повторяет ту же мысль

Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речи
Попрежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей,
Раскаяться во мне нет силы,
Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.

Но основной источник стиля Карамзина «язык изящной светской дамы» уже перестает его увлекать. В поэме «Разбойники» Пушкин открыто выступает на борьбу с нормами «светского языка», рассчитанного на «нежные уши читательниц». Посылая свою рукопись Бестужеву, поэт пишет: «Если отечественные звуки харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц «Полярной звезды», то напечатай его. Впрочем, чего бояться читательниц? Их нет и не будет на русской земле, да и жалеть не о чем» (71). Оппозиция Пушкина к господствовавшему литературному стилю выразилась в его стремлении сблизить язык литературы с простонародным.

Со всей силой своего острого сатирического пера Пушкин набрасывается на основные литературные приемы карамзинистов: на лексические и фразеологические кальки. В противовес «изящным» украшениям стиля карамзинистов Пушкин выдвигает требование простоты, ясности и точности в языке. Эти основные качества литературного стиля достигаются краткостью. Краткость является главным достоинством прозы. В набросках статьи «О слоге» Пушкин пишет, что «почти соглашается» с мнением д'Аламбера о слоге Бюффона: «Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу — не восхваляйте мне Бюффона, этот человек пишет — Благороднейшее из всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и пр. зачем просто не сказать лошадь — Лагарп удивляется сухому рассуждению философа, но Д'Аламбер был очень умный человек — и, признаюсь, я почти согласен с его мнением»¹.

Пушкин возмущается, что писатели не называют просто вещи самые обыкновенные, а «думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами» «Эти люди никогда не скажут дружба — не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр.; должно бы сказать: «рано по утру», а они пишут: «едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба» — как это все ново и свежо! Разве оно лучше, потому что длиннее. Или — «сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном». Боже мой! Да поставь — «эта молодая хорошая актриса» и продолжай, и будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет»².

Еще острее это ироническое отношение к перифразам выразилось

¹ Пушкин и др. Сочинения, Акад. Наук, 1928, IX, 9.

² Там же.

у Пушкина в письме к брату Льву (1824): «Пришли мне бумаги почтовой и простой, если вина, так и сыру, не забудь и (говоря по Делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленную (пробку) главу бутылки — т. е. штопер» (114). Перифразы в 1824 г. звучали для Пушкина несомненно комично.

Столь же непримиримо относился Пушкин и к лексическим калькам. Например, он возмущен неверным переводом французского слова *touchant*, породившим в русском языке кальку «трогательный», или словом «хладнокровие», которое является не только буквальным, но и ошибочным переводом французского выражения *sens froid* — хладомыслие, а не *sang froid* — хладнокровие. Оба французских выражения фонетически тождественны. Любопытно отметить, что еще Ломоносов возмущался неверным переводом слова *toucher*. Полемизуя с Сумароковым по поводу этого слова, Ломоносов написал целое стихотворение, в котором было пародировано это слово:

Женился Стил, старик без мочи,
На Стелле, что в пятнадцать лет,
И не дождавшись первой ночи,
Закашлявшись оставил свет.
Тут Стелла бедная вздыхала,
Что на супружью смерть не тронута ввирала.

Каждый язык своеобразен. Писатель обязан уловить национальный характер языка — вот основное убеждение Пушкина, с которым он подошел к перестройке литературного стиля. «Каждый язык, — пишет Пушкин, — имеет свои обороты, свои условленные риторические выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами. Возьмем первые фразы: *Comment vous portez-vous? How do you do?* Попробуйте перевести их слово в слово на русский язык» (буквальный перевод первой: «как вы себя несете», второй — «как вы себя даете»). Отсюда требование писать на русском языке «сообразно с духом его». В 1823 г. поэт пишет Вяземскому: «я не люблю видеть в гордом первобытном языке нашем следы европейского жеманства и французской утонченности — грубость и простота более пристали ему — проповедую из убеждения — но по привычке пишу иначе» (61). Действительно, Пушкин с огромным трудом выковывал свой национальный русский язык. Пушкин упорно учится русскому языку у «простого народа». В 1820 г. Пушкин, сравнивая русскую литературу с французской, восклицает: «Не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее — обычаи, история, песни, сказки и пр.» Опираясь на опыт французского писателя Ваде, английский писателя Кольриджа, Саути, Водсворта, которые изучали «площадной язык» в пригородах, харчевнях, кабаках, Пушкин зовет писателей учиться русскому языку у московских просвирен: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и славу богу, не выражающего как мы своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал Итальянский язык на флорентинском базаре. Не худо и нам иногда прислушиваться к Московским просвириям. Оне говорят удивительно чистым и правильным языком»¹.

¹ Пушкин. Сочинения, Акад. Наук, 1928, IX, 119.

Когда Пушкин звал учиться русскому языку у московских просвирен, он имел в виду язык «простонародный», т. е. речь тех общественных слоев, которая была насыщена словами и оборотами крестьянских диалектов. Ее он противопоставляет языку «дурных обществ», в котором обнаруживается «отвратительное жеманство», «чопорность деревенской дьячихи, пришедшей в гости к петербургской барыне», «заседательницы в гостях у приезжей горожанки». Язык крестьянина, «простолюдина» является наиболее полным хранителем национальных начал языка. «Откровенные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе не оскорбляя слуха»¹.

Язык крестьянина обладает для Пушкина прелестью «нагой простоты». «Хорошее общество может существовать и не в высшем кругу, а везде, где есть люди честные, умные и образованные». Пушкин сходил в этом отношении с поэтом Баратынским, называвшим язык простого народа «изящным» (220). В примечании к «Евгению Онегину» Пушкин отвечает критикам, возмущенным, что он выбрал для своей героини простонародное имя Татьяна: «Сладкозвучнейшие и греческие имена, каковы, например, Агафон, Филат, Федора, Фекла и пр. употребляются у нас только между простолюдинами».

Приток простонародных элементов в языке Пушкина особенно усиливается к 20-м годам. Письма Пушкина свидетельствуют о настойчивой работе его над освоением живого русского народного слова. Так, например, Пушкин свободно употребляет некоторые слова в простонародной форме: вечер, вчерась, убивство, отымать, сымать и пр. Такие слова обильно представлены не только в эпистолярной прозе, но и в художественных произведениях. В письме к жене: «Теперь тебе всеподданнейший отчет. Святую неделю провел я чинно дома, был всего вчерась (в пятницу) у Карамзиной, да у Смирновой». Там же: «Слава богу. Ты приехала; ты и Машка здоровы, Сашке лучше, вероятно он и совсем выздоровеет. Не от кормилицы-ли он болен? Бели его осмотреть, да отыми его от груди, пора» (808).

«Вечер видел его» (395); «Был вечер у Вяземской и видел у ней le beau Bezobrazoff» (512); «Я приехал в Москву вчера, в среду» (510); «В Ярополиць приехал я в среду поздно» (536).

Отметим шутовское, может быть, использование народного слова «слобода»: «Если царь даст мне слободу, то я месяца не останусь» (208).

Отметим народные наречия: доле, доселе, оттоле и пр.: «Оттоле (из Казани) еду в Симбирск» (536); «Жена моя прелесть и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я не заслужил перед богом» (863); «Вижу отसेде твою недоверчивую улыбку» (866).

Однажды Карамзина выразилась о ком-то: «она в интересном положении». Пушкин стал горячо возражать против этого выражения, утверждая с жаром, что его напрасно употребляют вместо коренного, чисто русского выражения: «она брюхата», что последнее выражение совершенно прилично, а напротив, неприлично говорить «она

¹ Там же, 116.

в интересном положении»¹. Об этом же вспоминал и Плетнев. «Пушкин бесился, слыша, если кто про женщину скажет «она тяжела», или даже «беременна», а не «брюхата» — самое точное и на чистом русском языке обычно употребляемое. Пушкин тоже терпеть не мог, когда про доктора говорили «он у нас пользует» — надобно просто «лечит»².

И Пушкин писал, не боясь оскорбить светское ухо своей жены: «К стати: смотри не брюхата-ли ты, а в таком случае береги себя на первых порах» (511); или образует от этого слова глагол: «В самом деле не забрюхатела-ли ты опять» (547). Так же он сообщает о беременности своей жены. «Наталья Николаевна брюхата опять и носит довольно тяжело» (515); ср. в других случаях: «Сестра Ольга Сергеевна выкинула и опять брюхата» (783); «Если девица не брюхата, то беда еще не велика» (545).

Слово «слиюни» в «Борисе Годунове» Пушкину посоветовал вычеркнуть в сцене Григория с Пименом Горчаков — «Вычеркни, братец, слиюни. Ну к чему они тут? А посмотри у Шекспира и не такие еще выражения попадают, — возразил Пушкин» (179).

В стихотворном письме к Жуковскому Пушкин употребил народную полногласную форму, вместо древнеболгарской неполногласной: «Раевский, молоденец прежний» (7).

Вот еще несколько примеров из области применения простонародной лексики в письмах: «Вот те христос» (123); ярманка, квартера, выключка: «замаранный по службе выключкою» (196).

Любопытно использование народных суффиксов: «Ты могла и должна была сделать ей (Голицыной) визит, — пишет Пушкин жене, — потому что она штатс-дама, а ты камер-пажиха; это дело службы» (809).

Из простонародных слов с некоторым налетом экзотики приведем следующие примеры: «Вчера приехал Озеров из Берлина с женою в три обхвата. Славная баба; я, смотря на нее, думал о тебе и желал тебе воротиться из Завода такою же тетехой» (829); «Если заварится общая Европейская война, то право буду сожалеть о своей женитьбе, разве жену возьму в торока» (451). Торока — ремешки позади седла, для пристежки (Даль, IV, 434).

Зачуфырился: «Я всегда был склонен аристократичествовать, а с тех пор как пошел мор на Пушкиных и пуще зачуфырился» (151). Это слово имеет у Даля следующее пояснение: чванничать, важничать собою, надуваться (IV, 635).

Шаромыжник: «образ жизни моей совершенно переменялся, к неопisanному огорчению Софьи Остафьевны и кавалергардских шаромыжников» (487). Шаромыжник — испорченное французское выражение *cher ami* Чаше пишут «шерамыга». У Даля этому слову дано такое объяснение: шатун и плут, обирала, оплетала, обманщик, промышляющий на чужой счет.

Иногда Пушкин употребляет с комической целью испорченные мещанские слова: «Ради бога найми мне фатерку» (415); «Первое дело должно приструнить все журналы и держать их в респекте» (85).

Народные глаголы: блазнит вместо соблазняет — «Блазнит

¹ Шенрок. Материалы для биографии Н. В. Гоголя, СПб. I, 362.

² Переписка Як. Грота с П. А. Плетневым, I, 400

он меня предложением ехать с ним в село Языково» (868); сказывал (185); выдет: «говорят, будто бы на днях выдет указ о том, что уничтожается русским поданным право пребывать в чужих краях» (Соч., т. VI); в Записках 1831 г.: «Доныне государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтись в толпе голос для возражения» (там же); «Получил-ли ты это письмо, отпиши» (210); «Пугачев выдет к осени» (796); Отец осердился» (102).

Народная лексика была обычной для некоторых в литературном круге, к которому принадлежал поэт. Его друзья постоянно употребляют в переписке народные слова и выражения: особливо (Вяземский, 204); выдет (Вяземский, 376); завтра (Нащокин, 538); завсегда (Рылеев, 136); куды (Нащокин, 1088); удобо-пропускаемая цензурой проза (Дельвиг, 92); упреждаю (Дурова); поскоряе (Нащокин, 878); сомнение, сомневаюсь (Нащокин, 794).

В поисках выразительного слова Пушкин часто в письмах не брезгает и языковой грубостью, «площадным словом», вульгарным, но сильным и метким, «соленым» народным словечком, порой ругательством.

В народном языке Пушкин искал точного и правдивого слова, не беда, если оно при этом бывало подчас грубоватым. В статье о «Недоросле» Фонвизина Пушкин говорил следующее о так называемых «вульгаризмах»: «Если бы «Недоросль», сей единственный памятник народной сатиры, если бы «Недоросль», которым некогда восхищалась Екатерина и весь ее блестящий двор, явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку канальей и собачьей дочерью, а себя сравнивает с сучкою! (Что скажут дамы, воскликнули бы критики, ведь эта комедия может попасться дамам).—В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать! А дамы наши (бог им судья!) их и не слушают, а читают этого грубого Вальтер-Скотта, который никак не умеет заменять просторечие простомыслием»¹.

Еще в 1823 г. (предыдущие строки написаны в 1830 г.) Пушкин писал П. Вяземскому по поводу языковых грубостей: «Меня ввел в искушение Бобров; он говорит в своей Тавриде: «под стражею скопцов гарема». Мне хотелось чтонибудь у него украсть, а к тому же я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в гордом первобытном языке нашем следы европейского жеманства и фр. утонченности. Грубость и простота более ему пристали» (64).

Именно из-за этой грубости Пушкин высоко ставил эпиграммы Руссо: «его похабные эпиграммы стократ выше од и гимнов» (118).

Да и почему не назвать великосветское общество, если оно того заслуживает, «сволочью»: «Не понимаю как можно жить, окруженным такой сволочью» (511). Разве Воронцов не заслужил по своему отношению к Пушкину прозвища «хама» (91). Для цензуры вполне достойный эпитет «сука»... «не уступай этой суче—цензуре» (63). Или тот же эпитет разве не приложим к органу III отделения «Се-

¹ Пушкин, VI, 109.

верной Пчеле»: «А вы, любезный Михайло Петрович, — пишет Пушкин Погодину, — утешьтесь и, как говорит Тредьяковский, плюньте на сук у Северную Пчелу» (311). Кстатн здесь вспомнить историю слова х а м. Это слово вошло в обращение с легкой руки Н. И. Тургенева. Тургенев записал в своем дневнике: «Сегодня обедал у М. В. Гурьева. Болтали. И мне приятно было слышать, что мое слово х а м употребляется некоторыми. Авторское самолюбие» (Тургеневский архив в Академии Наук, папка 212). А. И. Тургенев в 1819 г. также писал брату Сергею, что «х а м — техническое слово, введенное во всеобщее употребление братом Николаем» (там же, папка 384).

Фаддея Булгарина Пушкин по заслугам называет «полицейским г... ночистом».

Работу над стихами Пушкин сравнивает с пищеварением: «Я начал также подристывать; на днях изпрознился сказкой в тысяча стихов; другая в брюхе бурчит» (456) — пишет он Вяземскому. Или о Жуковском: «Если его (Жуковского) все еще несет вдохновением, то присоветуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о Киевских чудотворцах: прелесть простоты и вымысла» (415).

С Пушкиным перекликается Вяземский: «Поздравь меня милый Сверчок с счастливым и спражнением барельефов пиров Гомера, которые так долго лежали у него на желудке» (12); «Ради бога, облегчи меня: вот уже второй день, что меня пучит и пучит стих» (360); «В дороге меня рвет и слабит Хвостовым» (212).

Такие и подобные им слова, Пушкин умел так тонко вставлять в контекст, что они не производили впечатления грубости: «вообще пишу много про себя, а печатаю по неволе и единственно для денег: охота являться перед публикою, которая вас не понимает, чтобы 4 дурака ругали вас потом шесть месяцев в своих журналах...» (796).

Письма Пушкина пестрят не только народной лексикой, но и народной идиоматикой. Пушкин обнаруживал большой интерес к народным пословицам. Язык сказок, поговорки, загадки приводили Пушкина в восхищение. Даль свидетель исключительного внимания и интереса Пушкина к народному слову. Большое значение в знании народной идиоматики имело общение Пушкина с простым, крестьянским людом в Михайловском и Болдине. Уже давно известно, какую роль сыграла в знакомстве с народной поэзией няня Пушкина Арина Родионовна. Анненков дает живую характеристику Арины Родионовны: «Пушкин любил ее родственной, неизменной любовью и в годы возмужалости и славы беседовал с нею по целым часам. Это объясняется и другим важным достоинством Арины Родионовны: весь сказочный русский мир был ей известен, как нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у нее с языка»¹. Слушая нянины сказки, Пушкин в Михайловском, во время своего вынужденного заточения, «вознаграждал недостатки проклятого своего воспитания».

В. И. Даль сохранил отзыв Пушкина о русских пословицах: «Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по русски и не в сказке. Да

¹ Пушкин, Переписка, Academia, I, 366.

нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей. Что за золото! А не дается в руки». Исследователь пушкинских сказок Желанский отмечает, что «письма Пушкина одно время пестрели пословицами»¹. Эти слова нуждаются в поправке: Пушкин не переставал всю свою жизнь пользоваться пословицами, поговорками в письмах. В его письме к П. Вяземскому (15 сентября 1825 г.) мы найдем даже целое небольшое исследование об идиоме «Сам съешь». «Сим выражением,—писал Пушкин Вяземскому,—в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтливое, но столь же затейливое выражение: обратите это на себя» (180).

Эти же слова повторяет затем Пушкин в 1830 г. в заметке, озаглавленной «Сам съешь». В примечании к этой заметке Пушкин дает такую расшифровку этого выражения: «Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь (Замечание для будуарных или даже для паркетных дам, как журналисты называют дам, им незнакомых)». Это выражение Пушкин приложил к журнальной полемике своего времени. В цитированном выше письме к П. Вяземскому это выражение объясняется так: «Сам съешь — заметил ли ты, что все наши журнальные Антикритики основаны на сам — съешь Булгарин говорит Федорову: ты лжешь, Фед. говорит Б. — сам ты лжешь. Пинский говорит Полевому: ты невежда, Пол. возражает Пинскому ты сам невежда. Один кричит ты крадешь! Другой: ты сам крадешь — и все правы! — И так, сам съешь, мой милый» (180).

Когда Соболевский в 1827 г. потерял мать, Пушкин послал своему приятелю письмо, в котором утешал его в постигшем горе: «Кроме пословиц ничего путного тебе сказать не сумею». В письме подобран ряд пословиц, например: «Что я тебе скажу? про старые дрожжи не говорят трюжды»; «Перенеси мужественно перемену судьбы твоей, т. е. по одежки твоя ножки — все перемелится, будет мука» (346). Очень важно отметить тщательное сохранение Пушкиным звуковой инструментовки пословиц. дрожжи — трюжды, по одежки — ножки.

Приведем примеры использования пословиц и поговорок в письмах Пушкина.

«Не радуйся нашед, не плачь потеряв» (202); из письма жене: «Стоит разгласить, что де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будут» (550); «Рад бы в рай, да грехи не пускают» (854); «Жуковскому я также писал, а он и в ус не дуёт (37); «Нет, моя душа Асмодей, отложим печенью, далеко кулику до петрова дня, а еще дале Бабушке до Юрьева дня» (85); о переписке с Булгариным: «отзвонил и с колокольни долой» (89); «Сиж у моря, жду перемены погоды» (124); отзыв о поэте Казимире Делавине: «Конечно он поэт, но все не Вольтер, не Гете... далеко кулику до орла»; «милый мой, посидим у моря, подождем погоды» (183); жене «Ты пляшешь по их дудке» (481); из письма жене:

¹ Желанский А. Сказки Пушкина в народном стиле. С., 1936. Приведенное в этой книге письмо Пушкина написано не в 1830 г., как указывает автор, а в 1827 г.

«Знаешь ли ты, что есть пословица: На чужой сторонке и старушка божий дар» (545); «О себе скажу что я работаю лениво, через пень колоду валю» (549); «взялся за гуж, не скажу, что не дюж» (549); «Ты спрашиваешь, как живу и похорошел ли я? Во-первых, отпустил я себе бороду; ус да борода молодцу похвала; выду на улицу, Дядюшкой зовут» (550).

Отношение Пушкина к церковнославянской (снова старой феодальной дворянской речи было не одинаковым на разных этапах его творческой деятельности. И это вполне понятно. Древнеболгаризмы, подобно элементам просторечья, были той составной частью литературного языка, к которым менялось отношение писателя в процессе борьбы за язык. Если на лицейском этапе своей творческой деятельности он еще не чувствует своеобразной стилистической функции церковнославянизмов, то во время своего пребывания в «Арзамасе» Пушкин усваивает резко отрицательное отношение «арзамасцев» к церковнославянизмам. Они и ему кажутся устарелыми, смешными. Их можно использовать только в пародиях на «высокий стиль». Позднее Пушкин осознает ценность церковнославянизмов, как исторического достояния феодальной эпохи. В связи с этим меняется и его отношение к церковнославянизмам. Пушкин пишет в 1836 г. замечательные слова о наследии прошлого в языке: «Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков»¹. Церковнославянское наследство представлялось Пушкину исключительно ценным еще в 1825 г., когда он в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова» излагает свою точку зрения на русский языковой процесс. Пушкин считает историю и судьбу русского языка замечательной. Через посредство церковнославянского языка русские соприкоснулись с культурой Греции и Рима. «В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему (старославянскому) свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом, от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность»².

История литературного русского языка заключалась на раннем этапе феодальных отношений в том, что «простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей». Нельзя не отметить, что Пушкин исключительно верно нарисовал исторический процесс образования национального языка — от двуязычия феодальной эпохи до единого национального языка при капитализме. «Давно-ли мы стали писать языком общепонятным? — спрашивает Пушкин в другой своей статье. — Убедились ли мы, что славянский язык не есть язык Русский и что мы не сможем смешивать их своенравно. Что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг в нашу литературу, то из сего не следует, что мы могли писать: «да лобзаешь мя лобзанием» вместо: целуй меня etc»³.

¹ Пушкин. Сочинения, Акад. Наук, 1928, IX.

² Там же, с. 17.

³ Пушкин. Сочинения, V, 222.

Пушкин почувствовал стилистическое многообразие церковнославянизмов. Церковнославянизмы оказались чрезвычайно ценными и для выражения революционной патетики («Деревня»), и для пародийного использования, как средство разоблачения врагов (см., например, эпиграммы на Фотия, Аракчеева, Александра I и др.). Но к такому органическому включению церковнославянизмов в свой стиль Пушкин пришел не сразу. Зрелый Пушкин (1830 г.) уже умел органически ассимилировать старославянское слово с русским.

Ряд наблюдений над использованием старославянского слова в письмах Пушкина можно найти в работе В. В. Виноградова «Язык Пушкина». В 20—30-х гг. церковнославянские архаизмы употребляются у Пушкина «иронически, как цитаты, как выражения другого языка», например, «Кто на ны» (I, 32); «У нас все, елико напечатано, имеет действие на святую Русь» (67); «На ней карантин и строго запрещается казакам переезжать об он пол (78)¹.

Пародийное использование библейского текста, например, в письме к А. И. Тургеневу 7 мая 1821 г. из Кишинева: «В руке твои предаюся, отче! вы, который сближены с жителями каменного Острова, не можете ли вы меня вытребовать на несколько дней, однакож не более, с моего острова П емоса». Каменный Остров — резиденция Александра I (22). В. Виноградов называет этот прием «перковно-библейским маскарадом» (с. 87). Такой маскарад был в большом ходу в «Арзамасе». Пример: «В лето 5 от Липецкого потопа (превосходительный Рейн и превосходительный) жалобный Сверчок (сидя) на лужице (луже города Кишинева (ской) именуемой быком сидели и плакали, вспоминая тебя, о Арзамас (Иерусалим ума и вкуса) (С I, 33—34)».

Тот же прием в письме к кн. Вяземскому. Пушкин, сообщая 25 января 1825 г. Вяземскому эпиграмму на Глинку — «Кутейкина в эполетах», пародийно рисует его образ церковнославянским языком: «Фита бо друг сердца моего, муж благ незлобив, удалаяйся от всякия скверны»².

Наиболее часто в письмах пародийно использованы древние болгаризмы, введенные в обычную разговорную речь. Этот стилистический прием подсказан Пушкину «антиславянскими тенденциями» (выражение Виноградова). Примеры: «Пожалуй я подряжусь выставлять по стольку то пиес, да в накладе может оставаться журнал, если так возхощет бог да Бирюков» (цензор) (151); из письма Гнедичу о цензуре: «Поздравьте ее от моего имени — конечно иные скажут, что эстетика не ее дело; что она долна воздавать Кесарево Кесарю, а Гнедичево Гнедичу, но мало ли что говорят» (37); «собирался отвечать стихами, достойными твоих, но отложил попечение» (46); «Напиши мне их толки (толки журналов о «Пленнике») — не ради исправления моего, но ради смирения кичливости моей» (45); «Посылаю тебе маленькое поминанье за упокой души раба божия Байрона» (98); «Что погребает? Признаюсь и по них сердце болит. Не найдется ли между вами Ноя для насаждения винограда. На святой Руси не шутка ходить ногошом, а хамы смеются» (106); «Шутки в сторону, ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзание не яко Иуда Арза-

¹ Виноградов В. Язык Пушкина, с. 83.

² Там же, с. 154

масец, но яко разбойник — романтик» (86). Написано в связи с назначением Шишкова цензором. Пушкин намекает в данном случае на полемику арзамасцев с шишковистами

«Удаляюсь от зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой... Не знаю пустяк ли этого бедного Онегина в небесное царствие печати: на всякий случай попробую» (91); о Жуковском, переставшем писать: «Былое сбудется опять, а я все чаю в воскресенье мертвых» (144); «Судьба не перестает с тобой проказить. Не сердись на нее, не ведает бо, что творит» (207); «Если уж завидовать, так вот кому я должен был завидовать. Аминь, Аминь глаголю вам» (221); из письма Погодину: «Слава в вышних богу, а на земле Вам, любезный и почтенный. Ваши 1800 р. ас. получил с благодарностью» (350); к нему же: «Дважды призывался к вам, но карантин опять отбрасывал меня на мой несносный островок, откуда простираю к вам руки и вопию гласом велиим (375); «Мал бех в братии моей, и если мой камешек угодил в медный лоб Голиафу Фиглярину, то слава создателю» (485); у всех предстоящих потекли слезы умиления» (513); «стихотворения помещать не намерен, ибо и Христос запретил метать бисер перед публикой; на то проза — мякина»; из письма к жене: «Виноват, женка! Остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим» (810); «Я работаю до низложения риз» (858).

Корреспонденты Пушкина тоже часто используют древнеболгаризмы в пародийном плане. Ср. Вяземский: «Да исправится эпиграмма моя, яко кадило пред тобою» (369); ср. целое письмо Сомова, написанное церковнославянским языком (394): «Послаха аз отрока моего (иже не отрочати подобно, паче же мужеобразно сложение имать), да абие принесет ти кния твоя» и т. д.

Виноградов выделяет еще одну группу случаев, когда библейский колорит устраняется путем «специфического смешения образов церковно-библейских с условно литературными отражениями античной (вернее — классической) мифологии»¹.

Примеры: «Гнедичь не умрет прежде свершения Илиады» или «реку в сердце своем: несть Феб» (200); из письма Гнедичу (21 марта 1821 г.) «Молю Феба и казанскую богоматерь» (I, 31).

По словам В. Виноградова, церковная письменность, главным образом библейская, «представлялась Пушкину своеобразной сферой литературного выражения, специфической системой сюжетов, образов, слов и выражений, с помощью которых поэт передавал свое отношение к окружающей действительности»². Действительно, еще в 1822 г. Пушкин возмущенно писал брату Л. С. Пушкину, что Кюхельбекер «воспевает великолепную классическую, поэтическую Грецию — где все дышит мифологией и героизмом — славянорусскими стихами, взятыми из Иеремиа» (т. е. библейскими) (41). Впоследствии, через три года Пушкин будет пробовать свои силы в цветущем восточном стиле, в котором древнеболгаризмы найдут свое специфическое место. В апреле 1825 г. Пушкин пишет Вяземскому о своей поэме «Бахчисарайский фонтан»: «Слог восточный был для меня образцом,

¹ Виноградов В. Язык Пушкина, с. 84.

² Там же, с. 92.

сколько возможно нам, благоразумным, холодным Европейцам. К стати еще — знаешь почему я не люблю Мура? — Потому, что он через чур уж восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Гафиза и Магомета, — Европейец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор Европейца» (140).

Наконец, необходимо отметить ряд древнеболгаризмов, прочно вошедших в бытовой язык дворянства. Само собой понятно, что Пушкин не чувствует их «специфической библейской или пародийной роли». Они употребляются поэтому наряду с русскими словами, как совершенно им однотипные. Примеры: «Некогда мне писать княгине: благодарю ее за попечение, за укоризны, даже за советы, ибо все носит отпечаток ее дружбы, для меня драгоценной» (120); П. Вяземскому о Бенкендорфе: «Он, конечно, пред тобою не прав: на его чреде не должно обращать внимания на полицейские сплетни и еще менее с укоризною давать знать о них aux personnes qui en sont l'objet (288). Ср. в сказке «О попе и работнике его Балде»:

А Балда приговаривал с укоризной:
Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной.

«Благодарю вас, друзья мои, за ваше милостивое попечение о моей славе. Благодарю в особенности Тургенева, моего благодетеля; благодарю Воейкова, моего высокого покровителя и знаменитого друга» (72); «Душа моя тошнит с досады — на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость — долго ли этому быть» (72); из письма к Бестужеву: «благодарю Вас, как представителя Вкуса и верного стража и покровителя нашей словесности» (36).

Приведем далее просто ряд слов без контекста: дружество, воспоминание, заимодавец, новорожденный младенец (546), наслаждение, самолюбие, рассеянность, чувствительность (221), вдохновение (187), вражда (395) и т. д.

Некоторые из этих слов Пушкин употребляет уже с новым значением, например, слово прелесть значившее в старославянском — соблазн, в языке Пушкина приобретает значение красота: «напечатан ли там Хвостов, что за прелесть его послание»; о вымирании старославянских слов, о распаде их прежнего значения свидетельствует и слово благостыня, употребленное Пушкиным, правда, в несколько шутовском значении: «Узнай и отпиши обстоятельно, сколько ей (прислуге Розе) именно положено благостыни» (125).

В языке Пушкина церковнославянизмы употреблялись с самым разнообразным значением. Можно наметить три основных стилистических разреза в использовании древнеболгарских слов и выражений: 1) Пушкин пользуется древнеболгаризмами как основным слоем слов старого феодального языка (использование наследия прошлого); 2) в пародийном значении; 3) в качестве средства художественной образительности и революционной патетики. «В языке Пушкина, — говорит В. Виноградов, — церковно-книжная фраза, свободно передвигаясь из одного стиля в другой, в зависимости от контекста меняла свое значение и свою экспрессию. При смешении торжественных церковно-книжных выражений с лексикой просторечья обычно проис-

ходила подстановка «низких» тем и предметов под фразеологию высокого стиля»¹.

Наряду с древнеболгаризмами в письмах Пушкина обильно представлен тот слой по происхождению древнеболгарских слов, которые приобрели в истории русского делового языка специфический канцелярский характер, например, сей, оный, вышеупомянутый и т. д. Пушкин принял участие в языковом споре, поднятом по инициативе Сенковского, о канцеляризмах в литературном языке. Сенковский поставил перед собою в качестве основной литературной задачи борьбу с приказным слогом. Среди признаков канцелярского «приказного» стиля особенно ненавистными для Сенковского были местоимения сей и оный. Он напечатал статью в форме пародийной резолюции на «челобитную» слов сей, оный и т. д.: «Резолюция на челобитную сего, одного, такового, коего, вышеупомянутого, вышереченного, нижеследующего, ибо, а потому, поелику, якобы и других причастных к оной челобитной по делу об изгнании оных, без суда и следствия, из русского языка».

«Почтенные сей и оный, как вы ни красивы и ни интересны, особенно в женском роде, но я не могу ничего сделать в вашу пользу, потому что в вашей челобитной не соблюдены формы истины и мои законы, которые все грамотные люди громко признают своими — ежели только не притворяются. Из дела не видно, чтобы вас изгнали из русского языка: вас просят только убраться из изящной словесности, куда втерлись вы без ведома вкуса, и где проживаете без законного вида от здравого смысла.

Живите, друзья, спокойно в русском языке: вас никто из него не гонит, и там всегда будет довольно простора для таких милых существ как вы; и не только для вас, — для ваших деток и внучат, которых можете еще припасти себе женив сего на оной, одного на упомянутой и вышереченного на нижеследующей. Живите себе в контрактах и объявлениях, в ученых рассуждениях, живите в законах, канцелярских переписках и в денежных счетах. Живите, живите в судах, и приказах, — это самая обильная область Русского языка»².

Борьба по вопросу о местоимениях сей и оный началась по существу не с Сенковского, а значительно ранее, еще в XVIII в. Первая заметка о законности местоимения сей появилась в 1777 г. в «С.-Петербургских ведомостях». Спор разгорелся вокруг надписи Козельского на памятнике Феофану Прокоповичу:

Вот проводник был божественного слова,
России бытия и подвига Петрова.

«С.-Петербургские ведомости» ставили в вину автору вот вместо се: «Само по себе слово «вот» неприлично для надписи. Славные стихотворцы наши употребляют вместо одного «се».

В споре о местоимениях сей и оный приняли участие Греч, Белинский и Пушкин. Греч выступил в защиту этих местоимений, Белинский выступил против Греча, выдвинувшего тезис за сохранение местоимений в системе разговорной и художественной речи, и ограничивал употребление этих местоимений только художествен-

¹ В. Виноградов, Язык Пушкина, с. 91.

² Библиотека для Чтения, СПб, 1835, VIII.

ным жанром литературного языка. Пушкин высказался за сохранение сего и одного во всех жанрах литературного языка. «Шутки г. Сенковского насчет невинных местоимений сей, сия, сие, оный, оная, оное — не что иное, как шутки. Вольно же было публике и даже некоторым писателям принять их за чистую монету. Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному.

Не одни местоимения сей и оный, но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метет и пр., заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом.

Из того еще не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено. Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя (разрядка моя. В. М.). Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка»¹ (разрядка моя. В. М.).

Эта цитата определяет отношение Пушкина к канцеляризмам. Он свободно их использовал в письменной речи, в частности в письмах, не страшась даже таких неуклюжих образований канцелярского языка, как отглагольные существительные: небритые, неимение, заступление и пр.: «Я не писал тебе за неимением верного случая» (193); «Мудрено мне требовать твоего заступления пред государем» (193); «Я не поехал за небритие усов, которые отращаю в дорогу» (537); «И может быть сбудется для нас химерический план Наполеона в рассуждении завоевания Индии» (16); «Ради бога, погоди в рассуждении отставки» (брату Л. С.) (12).

Из других случаев употребления канцеляризованных приведем следующие примеры: «Просьбу твою (по поводу желанья брата Льва выйти в отставку) могут почесть следствием моего внушения» (128); «некоторые из вышеозначенных (стихов) находятся у Бестужева» (129); «исполнил твое препоручение» (397).

Само собой понятно, что таких случаев особенно много в строго официальной переписке, например, в письмах Пушкина к Бенкендорфу, где канцеляризы играют роль скрытого презрения к своему корреспонденту: «Приемлю смелость просить ваше превосходительство оный (список Бориса Годунова) мне возвратить» (222); «Прошу от вашего превосходительства разрешение сей неумышленной вины, если не успею остановить их в цензуре» (о стихах, которые были переданы Пушкиным в цензуру, минуя Бенкендорфа) (223).

Очень осторожно относился Пушкин к творчеству новых слов в языке. Исследователь языка Пушкина проф. Некрасов отметил в письмах Пушкина несколько неологизмов, например, чтеньебесие, аристократичесествовать, противумыслие, распечатный («Я жду «Полярной Звезды» в надежде увидеть тебя распечатного», VII, 64); хандрлив (в письмах к Дельвигу 1830 г.): «Отец мне ничего про тебя не пишет. А это беспокоит меня ибо я

¹ Пушкин, Акад. Наук, 1928, IX, 447.

все таки его сын — т. е. мнителен и хандрлив» — и делает при этом в скобках замечание — «каково словечко!» (377).

Любопытно слово «прюдство», которому Пушкин посвятил небольшую заметку: «Прюдство... Coquette, prude. Слово кокетка обрусело, но prude не переведено и не вошло еще в употребление. Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской) — недотрогу... Во всяком случае прюдство или смешно или несносно»¹. Пушкин ценил слово «прюдство» потому, что оно было более выразительным, более образным, чем кокетство, которое «успело обрусеть». Но при всей своей любви к этому слову, Пушкин не рискнул ввести его в ткань своих художественных произведений. Это слово осталось только в личной переписке поэта: «Правительство не дама, не Princesse Moustache: прюдничать ему не пристало» (288).

Некоторые русские слова получали в письмах Пушкина своеобразное, специфическое значение. Таково, например, слово «закорючка»: «Клянитесь Гоголю. Что его комедия? В ней же есть закорючка». В кружке Пушкина это слово употреблялось для обозначения чего либо, заслуживающего внимания (свидетельство кн. Одоевского). Фраза «в ней же есть закорючка» обязана своим происхождением одной монахине, которая при чтении Апостола ошиблась и прочла «не упивайтесь вином, в нем же есть закорючка» (вместо слова «блуд»; скорее всего монахиня заменила слово «блуд» словом «закорючка» из эвфемистических соображений)².

Несколько замечаний о слове «извиняюсь». Горнфельд в своей брошюре «Новые словечки и старые слова» (1923) считает слово «извиняюсь» неологизмом революционной эпохи. Как указал Винокур, слово это было уже знакомо Пушкину. В письме к своей казанской приятельнице А. А. Фуке от 15 августа 1835 г. Пушкин между прочим пишет: «Препоручаю себя драгоценному вашему благорасположению и дружеству почтенного Карла Федоровича (перед которым извиняюсь в неисправности издания моей книги)» (С., III, 222)³. Мазон высказал предположение, что слово «извиняюсь» возникло под влиянием польского *przeraszam* (1-ое лицо единств. числа глагола *przerosić* — просить прощения).

В языке писем можно отметить довольно значительное количество слов, изменивших свое значение. Вот небольшой словарь таких слов.

Возмутительный — в смысле возбуждающий, революционный: «Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова» (210). В современном языке это слово стало носить нейтральное значение. Ср. выражение «Возмутительные письма самозванца» в «Капитанской дочке».

Выдать — вместо издать: «Страшно трагедию в свет выдать» (187); «Как вы думаете его (роман) выдать» (Лажечникову, 802); из письма Погодину «Выдавайте же Марфу» (395).

Выставлять — в значении давать, изготовлять: «Я подряжусь выставлять по столько то пиес» (151).

Должно — в значении нужно, необходимо: «Должно терпением,

¹ Пушкин, Сочинения, Акад. Наук, 1928, IX, 41.

² Ср. Пушкин, Переписка, Академия, III, 655.

³ Винокур. Культура языка, с. 40.

добросовестностью, благородством и особенно настойчивостью оправдать ожидания друзей словесности и одобрение великого Гете» (275); с отрицанием: «Недолжно смешивать мне эти два дела» (315); «Должно быть Байроном» (43).

Затмение — у нас сейчас только астрономический термин: «затмение солнца», — в переносном значении — временное помрачение сознания; у Пушкина же — «ослепление»: «Ужасное место, где поэт Козлов описывает свое затмение, останется вечным образцом мучительной поэзии».

Критика — в значении критическая статья: «Брат Плетнев! не пиши добрых критик» (130).

Личность — «Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их как личность, без моего согласия» (т. е. личный выпад) (259). В современном языке слово приобрело более конкретное значение до степени — «лицо»: «личность у него неприятная».

Наружность — об издании стихов: «Впрочем все это наружность» (т. е. внешнее). В современном языке слово также получило более конкретное значение: «у него приятная наружность».

Неважный — в значении серьезный: «Неважные обвинения правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нежной любви его к прочим детям» (101).

Образованность — в значении совершенства, технической законченности: «Но русская поэзия, скажут мне, достигла высокой степени образованности» (1824).

Обстоятельство — в значении средства, условия существования: «Смерть Дяди моего В. Л. Пушкина и хлопоты по сему печальному случаю разстроили опять мои обстоятельства» (363).

Очень — вместо хорошо: «Я очень знал, что приказчик плут» (1045); возможно, что в данном случае эллипсис вместо «очень хорошо».

Почесть (глагол) — вместо современного счесть: «Просьбу твою могут почесть следствием моего внушения» (428).

Праведно — вместо справедливо: «мы можем праведно гордиться» (148).

Противный — вместо противоположный — «Какнибудь выкарабкаешься на противную сторону» (553); ср. в «Кавказском пленнике»:

И русской в шумной глубине
Уже плывет и пенит волны,
Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них
(37).

Рассеянность — вместо рассеянной, светской жизни: «Смотри женка, того и гляди избалуешься без меня, забудешь меня! изкокетничаешься. Одна надежда на бога, да на тетку. Авось сохранит тебя от искушений рассеянности» (546).

Склонение — в значении склон. Сейчас это слово грамматический термин: «Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука» (IV, 416); «проехав ущелье, вдруг увидали мы на склонении противоположной горы до двухсот казаков» (IV, 437).

Сознание — вместо признания: «Слово сознание, — отмечает проф. Некрасов, — Пушкин смешивал в употреблении со словом «признание»: «а если сознания, требуемые г. Полевым и заслуживают какое-либо уважение, то можно ли нам онья слушать из уст поэтического старца»¹.

Состояние — вместо современного «положения»: «Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния мною избираемого» (405).

Чиниться — «Зачем ты с ним чинился и не поехал повидаться со мною» (72).

Щепетильный — в современном языке жеманный: «щепетильный товар», т. е. мелочной, галантерейный товар.

По поводу отмеченных слов проф. Некрасов осторожно высказывается: «Весьма возможно впрочем, что слова эти в пушкинское время употреблялись именно так, как у Пушкина».

Есть в лексике Пушкина и слова, совершенно исчезнувшие в современном языке: дружество — «...я не потерял вашего дружества» (260); «дружество ваше для меня лестно» (502); изъясняться: «Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогом несколько надутым» (383); карбонаризм (от итальянского слова carbonario — угольщик) — «заговорщичество»; термин, образовавшийся от названия тайного общества революционеров в Италии (90); меморий — «он сказал, что недоволен твоим меморием» (315); натурально (939); в значении естественно: «это будет очень натурально» (939); отписать вместо современного — написать ответ: «изволь отписать ко мне» (342); прилыгать вместо прилгнуть: «Не я лгу, и не мошна лжет — лжет холера и прилыгают 5 карантинных нас разделяющих» (375); ср. у Крылова: «И к былям небылиц без счету прилыгал»; ресторация — «в ресторации за бутылкой» (224); салопница (мещанка): «на Тверском бульваре попадают две три салопницы»; семейственный (826, 906); следственно (39); титул в значении современного слова титул: «Грех отнять это титул» (148).

Анализ лексики Пушкина показал необыкновенное словарное богатство языка поэта. В языке Пушкина мы имеем, по справедливому выражению Н. Лернера, «золотые слитки живого русского слова», искусно скрежденные с самыми разнообразными по происхождению словами (старославянскими, древнеболгарскими, французскими, английскими, немецкими и т. д.).

III. ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СТИЛЕМ ПИСЕМ

Стилистика Пушкинских писем заслуживает большого внимания исследователя. Как в лексике, так и в стиле писем мы обнаруживаем исключительное богатство приемов. Язык писем обычно носит на себе отпечаток мгновенного настроения. Пушкин словно не ищет слов, они сами собой идут из души. Между тем нам известно, как тщательно обрабатывал стиль своих писем поэт. Некоторые из писем имеют несколько черновых набросков. К своим письмам поэт относился с такой же строгостью, как и к своим поэтическим созданиям. Он тщательно обдумывает фразу, выбирает слова, ищет наиболее

¹ Некрасов, Назв. работа, с. 224.

точное, простое и ясное выражение. Замечательна любовь Пушкина к простоте и точности выражения, обусловившая исключительную правдивость и честность его языка. Поэт нигде не скрывает своих мыслей, он говорит что думает, без прикрас. Язык писем отражает бурное течение острой и сильной мысли. Настроение в письмах часто быстро меняется — от веселой непринужденной шутки поэт быстро переходит к печальным моментам, но чаще всего ненадолго. «Нередко дружеское письмо переходит в непринужденные шутливые стихи, игру словами, каламбур... Там и сям в письмах рассыпаны меткие изречения, афоризмы, невольно отражавшие процесс упорной и долгой работы ума, с непринужденной легкостью излившиеся на бумагу»¹.

Исключительно тяжелы были условия переписки поэта с друзьями. Правительства Александра I и Николая I тщательно следили за перепиской поэта. Письма часто подвергались перлюстрации. Поэту нередко приходилось прибегать к подцензурному языку, к стилю Эзопа. В других случаях Пушкин прибегал «к оказии», т. е. отправлял свои письма корреспонденту, минуя почту, пользуясь услугами знакомых, передававших письма по назначению. Пушкин пишет по этому поводу кн. Вяземскому: «Сходнее нам в Азии писать по оказии» (70). Иногда, раздраженный полициейской бесцеремонностью, он прямо пишет о перлюстрации писем в надежде, что полицейские ищейки прочтут о себе «теплые», нелицемерные строчки: «Я не писал тебе, — пишет, например, Пушкин своей жене в 1834 г., — потому что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силае. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство à la lettre. Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности (*inviolabilité de la famille*) невозможно. Каторга не в пример лучше». А далее делает многозначительное замечание: «Это написано не для тебя, а вот, что пишу для тебя» (826). «Каторга не в пример лучше» — вот те условия, в которых совершалась переписка поэта с друзьями.

Зная о том, что его письма попадают к Николаю I, который не стыдится читать даже его интимные письма к жене, Пушкин пишет в расчете на то, что Николай I познакомится с его строками: «Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего Правительства. Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриги, достойной Видока и Булгарина. Что ни говори, мудроно быть самодержавным»².

Отсюда необходимость прибегать в неизбежных случаях к «эзоповскому языку». Так, например, Пушкин дает Александру I прозвище Тиверий (Тиберий), римского императора жившего в I в. нашей эры, а графу Воронцову присваивает имя Сеяна (одного из приближенных Тиберия): «Тиверий рад будет придраться, а Европейская молва о Европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня» (88).

¹ Пушкин. Письма, Academiа, I, с. XXV. Слова Ляцкого приведены в статье Модзалевского.

² Пушкин, У1, 412.

Цензуру Пушкин называет «подземными богами»: «Перещитав посылаемые вам стихотворения, нахожу 60 или около ибо часть подземным богам непридвидима» (130).

Когда в 1820 г. в Испании вспыхнуло революционное движение, требовавшее введения конституции, Пушкин с восторгом приветствовал революцию. В это время он пишет друзьям: «Прощайте — нюхайте гишпанского табаку и чихайте громче, еще громче».

III отделение подозревало о существовании такого «подпензурного языка» и с большим подозрением относилось к пушкинским стихотворениям. В 1832 г. III отделение не разрешило продавать журнал Киреевского «Европеец», в котором было напечатано стихотворение Пушкина «Анчар». III отделение сочло стихотворение аллегорическим и под словом «дерево» — разумело конституцию, а под словом «стрела» — свободу (см. об этом черновой набросок письма Пушкина от 24 февраля 1822 г.) (495).

Когда Бенкендорф послал Пушкину по этому поводу строгое письмо, указывая, что «Анчар» появился в печати без предварительной цензуры Николая I, Пушкин так иронизировал над своим и Киреевского положением: «Уголь сажею не может заискриться» (502). В том же письме перифразой народной пословицы — «Гром не из тучи, а из навозной кучи» — «Не из Булгаринской навозной кучи, из тучи» Пушкин намекает Киреевскому, что запрещение «Европейца» исходило от Николая I, а не по доносу Булгарина, как думал Киреевский.

Иногда перо Пушкина становилось желчным. В это время он находил изумительные образы и выражения для передачи возмущающего его чувства. Например, в письме к Гнедичу (1822): «пожалейте обо мне: живу меж Гетов и Сарматов; никто не понимает меня» (37); в письме кн. Вяземскому по поводу его эпиграммы на критическую литературу — «К журнальным близнецам», Пушкин пишет — «Критика у нас Чувашей не существует, палки как-то неприличны; о поединке и смех и грех было и думать: толи дело цып цып или цыц цыц» (85)... Последние слова перефразируют строчку из эпиграммы Вяземского: «Цып! цып! сердитые малютки».

О Полевом: «Он длинен и скучен, педант и невежда — ради бога надень на него строгий мунштук и выезжай его на досуге» (180).

Характерную смысловую роль играет местоимение «этот» в фразе — «Советую тебе держать за ворот этого Сенковского» (75).

Когда Яковлев затевал издание альманаха «Блин», Пушкин об этом ядовито писал: «Яковлев тем еще хорош что отменно храбр и готов намазать свой блин жиром Булгарина и икрой Полевого» (394). В этих словах Пушкин намекал на то, что Яковлев особенно охотно избирал своей мишенью литераторов, журналистов и невежественных критиков официального лагеря.

В 1831 г., когда Булгарин особенно «преуспевал» и даже получил от Бенкендорфа благодарственное письмо, Пушкин обронил замечательно выразительную едкую фразу: «В России пишет один Булгарин» (398).

Во время холерной эпидемии Пушкин пишет о Хвостове: «С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив. Посреди стольких гробов, стольких ранних и безцветных жертв, Хвостов торчит каким-то кукишем похабным» (449).

Сильного эффекта достигает Пушкин в ряде случаев фигурой умолчания: «Печатайте ваше возражение, — пишет поэт — если вы думаете, что «Северная Пчела» того стоит — а я не вмешиваюсь, ибо мое правило: не трогать чего знаете» (265).

Иногда прием иронии Пушкина прикрыт вежливой формой, что еще более усиливает впечатление. В письме к Хвостову Пушкин пишет: «Я в долгу перед вами: два раза почтили вы меня лестным ко мне обращением и песнями лиры вашей, заслуженной и вечно юной» (504).

Когда Шишков запретил «Бахчисарайский фонтан», Пушкин писал из Одессы брату: «На каком основании начал свои действия дедушка Шишков. Не запретил ли он Бахчис. Фонтан из уважения к святыни Академического словаря и неблажно составленному слову водомет» (86). Шишков считал необходимым заменить нерусское слово «фонтан» словом «водомет». В данном случае Пушкин иронизирует над пуризмом Шишкова, который стремился заменять иностранные слова русскими словами.

О журнале Воейкова «Славянин»: «кстати: похвалите «Славянина», он нам нужен как навоз нужен пашне, как свинья нужна кухне, а Шишков русской Академии» (275).

В ответ на выходки Булгарина, Пушкин, находившийся в то время в Москве, пожалел, что в его руках нет дубины: «...распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы, а дубины в 800 верст длиною в России нет, кроме графа Панина» (318). Панин был исключительным мракобесом и чиновником формалистом. В деле освобождения крестьян он сыграл впоследствии роль тормоза.

Очень любопытно применение фамилий и прозвищ в письмах Пушкина. Очень часто он иронически осмысливает фамилии своих литературных врагов. Переделка фамилии Булгарина в Видока Фиглярина давала совершенно выуклую характеристику Булгарина, как агента III отделения. Часто фамилии в письмах Пушкина изобличают отношение поэта к противникам. Например, в молодости Пушкин окрестил своего литературного врага Шишкова — Ословым и только в 1824 г. стал относиться к Шишкову спокойнее.

Другой член шишковской «Беседы» Шаховской получил прозвище Шутовской. Особенно повезло Хвостову. Этого бездарного метромана Пушкин называет: Графов, Графон, Свистов, Хлыстов еще в лицейских стихах. Тарасенко-Отрешков, бездарный писатель, мнивший себя политико-экономом, вошедший в 1836 г. в число агентов III отделения, был назван Пушкиным — Отрышков: «Дай бог здоровье Отрышкову» (513).

В других случаях Пушкин любил давать своим корреспондентам, к которым он относился особенно тепло и дружески, имена писателей, художников, ученых особенно античной поры. Так, например, Гречу, как составителю грамматики русского языка, Пушкин присвоил имя греческого грамматика II в. до н. э. Аристарха. Впоследствии Пушкин стал относиться к Гречу враждебно, когда тот слишком откровенно стал дружить с Булгаринами. Катенина, автора трагедий, Пушкин называет в письмах Эсхилом: «Прощай Эсхил, обнимаю тебя, как поэта и друга». Кюхельбекер получил кличку — Анахарсис-Клоц-Кюхля. Жан Батист Анахарсис Клоц — французский революционер, член Конвента, казненный в 1794 г.; он характеризовался теми же чертами характера, что и Кюхля: революцион-

ностью, пылкостью, граничащей с невоздержанностью. Бестужева Пушкин называл Вальтером за его рыцарскую повесть «Замок Нейгаузен», Всеволожского — Аристип Всеволодовичем по имени греческого философа Аристипа, жившего в IV в. до н. э.; Всеволожскому Пушкин проиграл рукопись своих стихотворений. Аристип был философом гедонистом. Всеволожский также вел очень беспорядочную веселую жизнь. Кн. Вяземского Пушкин называет шутливо «князь Вертопрахин» (221); А. Н. Вульф получает имя Ловласа Николаевича.

Фамилии приятелей Пушкин использует иногда для комического словообразования. Ему приписывают стихи:

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно,
Так было мне, мой друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

Это наречие Пушкин впоследствии применил в письме: «Я ведь тебе писал, что Кюхельбекерно мне на чужой стороне» (52).

По этому же типу он создает пародийное наречие: «Здесь у нас Молдованно и тошно» (37).

Бурный, живой темперамент поэта часто прорывался в веселой шутке, непринужденной игре слов. Особенно Пушкин любил каламбур. Не раз в письмах он отмечает, что каламбур «нечто родовое», Пушкинское. В роду Пушкиных было много остроумцев, например, дядя поэта В. Л. Пушкин. Каламбуры строятся у Пушкина очень разнообразными средствами. То поэт использует словарь: подбирая синонимы, контрастирующие слова, омонимы и т. д. Например, «Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательного чтоб меня искренно обрадовать» (37) «Взять жену без состояния — в состоянии, но входить в долги для ее тряпок — я не в состоянии»; «Снег то уж падает, да деньги то с неба не валятся» (228). То каламбур строится на использовании формальных частей слова, суффиксов, префиксов: «Страховать жизнь еще на Руси в обыкновение не введено, но войдет же когда-нибудь; покамест мы не застрахованы, а застращены» (429); перед женитьбой на Н. Н. Гончаровой Пушкин пишет: «К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери — отселе разномолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения, — словом если я и не несчастлив по крайней мере не несчастлив» (366). То каламбур построен на использовании ударения: «Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич останутся на подножном корму, а придется взять их мне на руки тогда то наплачусь и наплачусь, а им и горя мало» (899). Иногда каламбуры строятся на созвучии: Пушкин пишет Плетневу о Дельвиге: «Поговори с ним — А то шпионы-литераторы (Греч и Булгарин) заедят его как Барана, а не как Барона» (386); «Надеждин хоть изрядно нас тешит иногда (тесать) или чешет и т. д., но лучше было бы если он теперь потешил» (345). — «Тесал» и «чесал» Надеждин Пушкина в своих статьях о «Графе Нулине», «Полтаве», «Евгении Онегине» и др.; «Как вы думаете, есть надежда на Надеждина или Надоумко недоумевают» (344); — «Надоумко — псевдоним Надеждина; «Твои догадки гадки; виды мои гладки» (по поводу неудачного сватовства к С. Ф. Пушкиной) (27); «Ангел моя Вяземской, или пряник мой Вяземской» (225). «Еду к вам и не доеду. Какой меня доезжают» (225); о своих

псковских впечатлениях при поездке из села Михайловского Пушкин писал: «тамошний Архирей Отец Евгений принял меня как отца Евгения» (185); о комедии Кюхельбекера «Духи»: «со зюсти духом прочел оба действия духов», в сноске Пушкин замечает: *Calembourg resonnait tu le sang?* (189).

Особенно часто каламбур строится на расчленении слова, при чем создаются новые смысловые единства. «Я не прошу от правительства полумилостей, эго была бы полумера и самая жалкая» (105); «Вот тебе в цветы в ответ Катенину вместо ответа Готовцевой, который не готов» (281). Когда малоодаренного «народного» поэта Слепушкина наградили нарядным кафтаном, двумя часами и медалью в 50 червонцев, Пушкин писал жене: «Сле-Пушкину дают и кафтан и чины, а Пушкину полному — шиш» (200); из письма жене: «В корректуре я прочел, что Пугачев поручил Хлопуше грабеж заводов. Поручаю тебе грабеж Заводов» (Пушкина была в то время в имени своего де а «Полотняные заводы»). «Слышишь-ли, моя Хло-Пушкина? Ограбь заводы и возвратись с добычей» (858); названия журналов «Московский Телеграф» и «Телескоп» дали Пушкину повод для игры слов: «Теле-скопский и—графский» (509); «Целую тебя заочно в очи» (536). Иногда такое расчленение слова осложняется подстановкой созвучного иностранного языка, например, подстановкой французского *sot* — глупо на место русской приставки *со*: «Зачем мне *sot*-действовать детскому журналу» (955).

В использовании каламбура с Пушкиным перекликается П. Вяземский, у которого мы в переписке найдем все отмеченные выше типы каламбуров: «Пиши и лечись; вылечись, но не выпишись, разве выпишись из ссылки» (189); «Наши умники так глупы, что моченьки нет, нет мочи, хотя и много в них мочи» (169); «Мы все переливаем из пустого в порожнее и играем в слова как в бирюльки. Прости мой искусный Бирюлкин» (15); «Дел виг ленив и ничего не пишет, а выезжает только *sur la bête de Somme ou de Somhoff*» (429); «Пожалуй, давай готовь Альманах: дорожная котомка нашего маленького Гримма-пилигрима у меня в руках. Пили Гримма, да и полно» (565). Ср. Мятлева: каламбур о продаже статуи Екатерины II, принадлежавшей роду Гончаровых: «...ты мне сказал: я продам тебе повесу (т. е. по весу) Екатерину. А я сказал: «И по делом ей, она и завела-то при дворе безмены (фр. *baise mains* — целование руки)».

Каламбур в письмах переплетается с шуткой, с поговорками, пословицами и особенно часто с пародиями на тексты св. писания, известных поэтов и т. д. Часть этих пародий мы рассматривали в главе о лексике писем (об использовании древнеболгаризмов). Примеры: «Ты барахтайся в грязи отечественной и думай: «Отечества и грязь сладка нам и приятна» (пародия на известный стих Грибоедова — «И дым отечества нам сладок и приятен»); «Секретарь ответил единоголасно» (451); «Так и быть: отказываюсь от фјака, штанов и даже от академического четвертака («академический четвертак» — плата за присутствие на заседаниях Академии Наук); «по крайней мере пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское» (200).

Пушкин любит шутливую подпись под своим письмом. В 1830 г. он пишет Погодину по поводу «Марфы Посадницы» письмо и под-

писывает его в тон произведению Погодина: «...со всеусердием ваш покорнейший пономарь А. П.» (383).

Превращая свои стихи в суконный товар, он пишет такое предложению издателю: «...хотите-ли вы у меня купить весь кусок поэмы, длиною 800 стихов; стих шириною 4 стопы, разрезано на 2 песни; дешево отдам, чтобы товар не залежался» (Из письма Гречу, 28).

Корректируя стихи к новому изданию, поэт пишет: «Я выстирал черное белье наскоро, а новое сшил на живую нитку» (130), превращая себя одновременно и в прачку и в портного.

В критической литературе много раз отмечалось исключительное разнообразие пушкинской тематики. «Достаточно бегло просмотреть,— пишет, например, Брюсов,— сочинения Пушкина, чтобы установить, что в его стихах, повестях, драмах отразились едва ли не все страны и эпохи, по крайней мере, связанные с современной культурой. Античный мир, древний и новый Восток, мир Ислама, европейское средневековье, почти все страны новой Европы: Англия, Шотландия, Германия, Италия, Франция, Португалия, Испания, Литва, Польша, Финляндия, Америка, дикie страны, русская история чуть ли не от истоков ее до современных Пушкину событий— все это нашло то или иное отражение в творчестве Пушкина»¹. То же замечание можно сделать и о тематике пушкинских писем. В письмах Пушкин касается разнообразных вопросов литературной теории: истории русского языка, грамматики, стилистики, критики, истории литературы, отдельных писателей и т. д. Еще замечательнее стиль писем, умение поэта перевоплощаться то в легкого собеседника, рассыпающего блестящие остроут, шуток, то в строгого критика литературных произведений современников, то в революционера, клеймящего острым и беспощадным словом «жестокый век» Николая. По наблюдению Сиповского, «образ поэта меняется до неузнаваемости в зависимости от того, к кому он пишет: с литераторами он только литератор, с политиком он политик, со сплетником — сплетник, с гулякой только гуляка и ничего более»². Но эта особенность творческого метода Пушкина не была беспринципной приспособляемостью, она происходила из глубокого человеческого отношения поэта к своему собеседнику, из чуткого умения Пушкина нащупать интересные для данного корреспондента темы. Пушкин ярко и образно представлял себе отдаленного от него собеседника, сживался с ним и поэтому по письмам поэта «можно писать характеристики тех, кому они отправлены»³. Если сравнить письма Пушкина к Бенкендорфу с письмами к Вяземскому, к брату Л. С.— трудно поверить, что они написаны одним и тем же лицом, так меняется стиль этих писем.

Официальные письма поэта отличаются строго деловым тоном, сухим и иногда издевательски-почтительным, особенно в тех случаях, когда Пушкин пишет антипатичному для него лицу.

Письма к Бенкендорфу полны внешней почтительности, под покровом которой Пушкин умеет высказать собственное мнение о печати, литературе и ее положении в России. Иногда эти письма приобретают характер явного издеательства, тем более острого, что сам адресат принимает написанное поэтом за чистую монету. «Писан-

¹ Брюсов В. Мой Пушкин, М. Л. 1929.

² Сиповский В. А. С. Пушкин по его письмам. Сб. «Памяти Л. Н. Майкова», СПб 1902, с. 458

³ Сиповский В. А., Назв. работа, с. 457.

ный в минувшее царствование, Борис Годунов, обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня государь, но и свободе, даренной монархом писателям русским в такое время и в таких обстоятельствах, когда всякое другое Правительство старалось бы стеснить и сковать книгопечатание» (39).

По отношению к жестокой николаевской цензуре здесь каждое слово необходимо понимать в прямопротивоположном смысле, если сравнить отзывы Пушкина о цензуре («цензура — сука») с текстом этого письма: ясно, что «частное покровительство» — это жестокая личная слежка тупого и ограниченного Николая Палкина над поэтом. Вспомним; что «Борис Годунов» был пропущен Николаем I в печать не сразу. Сначала Николай I предложил Пушкину переделать «Бориса Годунова» в исторический роман на подобие Вальтер-Скотта. Слово «свобода» нужно понимать как «гнет». Пушкин под покровом этой вежливой формы прямо говорит своим врагам, что правительство делает все, чтобы «стеснить и сковать книгопечатание». Очень любопытно, что в черновике этого письма Пушкин сначала написал более выразительное слово «обуздать».

В том же самом письме Пушкин резко характеризует отношение к нему Бенкендорфа, как столь снисходительное: «Позвольте мне благодарить усердно и ваше превосходительство как голос высочайшего благоволения и как человека принимавшего всегда во мне столь снисходительное участие» (399).

В других официальных письмах стиль Пушкина прост и благороден. По словам акад. Майкова Пушкин умеет в них быть «приветлив и приятен, отменно учтив и даже, когда нужно почтителен, но решительно никогда не впадает в приторную любезность и всегда умеет избегать сухости, если только не ставит себе целью быть сухим»¹. В качестве примера можно привести письмо к графу Чернышеву: «Доставленные мне, по приказанию вашего сиятельства, из московского отделения инспекторского архива книги получить имел честь. Принося вашему сиятельству глубочайшую мою благодарность, осмеливаюсь беспокоить вас еще одной просьбой» (522).

Совсем иной характер носят письма к близким людям. Письма к брату Л. С. интимны, дружественны, носят даже несколько менторский характер. Письма к брату переполнены острыми словечками, порой значительной долей аттической соли, отзывами о литературном мире, часто включают наброски стихов, экспромты, эпиграммы и т. д.

Примеры: «Скажи моему гению-хранителю, моему Жуковскому, что слава богу, все кончено. Письмо мое к Адеркасу у меня: наши, думаю, доехали, а я жив и здоров. Что у вас? Потоп? Ништо проклятому Петербургу. *Voilà une belle occasion à vos dames de faire bidet.* Жаль мне «Цветов» Дельвига; да на долго ли это задержит его в тине петербургской. Что погребя? — признаюсь, и по них сердце болит. Не найдется ли между вами Ноя для насаждения винограда. На святой Руси не шутка ходить ногишом, а хамы смеются. Впрочем все это вздор».

Для письма характерна простая разговорная лексика: ништо, признаюсь и пр. в соединении с несколько нескромной французской

¹ Пушкин. Письма, Academia, I, XVIII.

фразой. Характерно использование древнеболгарской лексики в пародийном плане.

«Душа моя, горчицы, рому, что-нибудь в уксусе — да книг: Conversation de Byron, mémoire des Fouché, Талию, «Старину», да Sismondi (Litterature), да Schlegel (dramaturgie, если есть у St-Florent). Хотел бы также иметь Новое издание Собрания Русских стихотворений да дорого 75 руб. я и за всю Русь столько не даю».

Любимые корреспонденты, с которыми Пушкин был всегда ровным и неизменным: Дельвиг, П. А. Вяземский, Жуковский и др. Из всех корреспондентов Пушкина наиболее близок в языковом отношении к поэту Вяземский. В общении с друзьями Пушкин наиболее откровенно излагает свои мысли о политических событиях и литературных явлениях в самой непосредственной форме, как они родились в его голове. Он не заботится об условной вежливости, называет вещи своими именами. У Пушкина даже есть специальный термин для таких писем: «писать спустя рукава». Вот пример этого непринужденного языка: «Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору; но кто же виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807 года на славянорусском. И нет надобно как бы некоего Шишкова или Сергея Глинки, или моей няни Василисы, чтобы на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах».

Приведем еще пример письма к Дельвигу, написанного в форме средневековой грамоты. «Посылаю тебе Барон, Вассальскую мою подать, именуемую Цветочною, по той причине, что платится она в ноябре в самую пору цветов... Доношу тебе моему Владельцу, что нынешняя осень была детородна и, что коли твой смиренный Вассал не околеет от Сарапского падежа, холерой именуемого и занесенного нам крестолубивыми воинами, т. е. бурлаками, то в замке твоём, Литературной газете именуемой песни трубадуров не умолкнут круглый год» (377).

Самыми изумительными в стилистическом отношении являются письмо к жене. П. Гнедич назвал их «перлами» по блестящему, чисто русскому языку и тонкому добродушному остроумию¹. Другой критик — Стасов называет их «талантливыми, живыми, красивыми, сильными, элегантными, но совершенно лишенными содержания». «Все только про деньги, либо про кокетство жены, да еще Христос с вами, вот и все». «Ни про что ведь важное, настоящее, он ей ни гу-гу! А сколько других писем написал он на своем веку, где говорит (и как говорит) про тысячу вещей самых важных, значительных и интересных. И с такой красивой душой он должен был, несчастный, весь век проводить» — восклицает Стасов².

Действительно, в идейном отношении письма Пушкина к жене во многом уступают письмам к другим корреспондентам поэта, но Стасов совершенно напрасно слишком принижает умственный облик Н. Н. Пушкиной. Если бы Н. Н. была так глупа и неразвита, она не могла бы быть женой гениального поэта. Письма Пушкина к жене характеризуются непринужденностью прежде всего потому, что «жена — свой брат». Стиль писем к жене пронизан теплой, родственной сердечностью: «Какая ты дура, мой ангел... «деру тебя за ухо и це-

¹ Гнедич П. П. Заметки о письмах Пушкина, Р. В. 1889, IX, 30.

² Русская музыкальная газета 1916 г., № 43, с. 76.

люю нежно», «...надобно бабенку к рукам прибрать», «целую тебя заочно в очи», «Сказать ли тебе словечко, утерпит ли твое сердечко», «поцелуй ка меня, авось горе пройдет, да лих, губки твои на 400 верст не оттянешь», «побранив тебя, беру нежно тебя за уши и целую», «...смотри женка: того и гляди избалуешься, без меня — искокетничаешься», «...не сердись, что я сержусь», «...ах, женка душа! что с тобой будет».

Пушкин неустанно заботится о разных мелочах будничной жизни Натальи Николаевны, с недоверьем относится к ее умению вести хозяйство, боится за ее здоровье, упрекает ее за «кокетничанье», не перестает сообщать разные светские сплетни. В этом смысле письма Пушкина образец непринужденной светской *causerie*: «Вот уже три дня, как я в Москве, и все еще ничего не сделал. Архива не видал, с книгопродавцами не сторговался, всех визитов не сделал, к Солнцевым на поклонение не бывал. Что прикажешь делать! Нацокин встает поздно, я с ним забалтываюсь — глядь обедать пора, а там ужинать, а там спать — и день прошел. Вчера был у Дмитриева, у Орлова, Толстова, сегодня собираюсь к остальным. Поэт Хомяков женится на Языковой, сестре поэта. Богатый жених! Богатая невеста! Какие тебе московские сплетни передать? Что-то их много, да не вспомню» (1011).

Это письмо построено не только на использовании лексики, лексика здесь в высшей степени простая, разговорная, сколько на передаче живого речевого жеста, живой речевой интонации.

В 1833 г. Пушкин предпринимает длительное путешествие по России. Переписка Пушкина за время его поездки ограничивается исключительно письмами к жене: он осыпает ее комплиментами, восклицаниями в роде: *addio, mia bella, idol mio, bell tesore*, уверяет ее, что она прекрасна: «гляделась ли ты в зеркало и уверялась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, а душу твою я люблю еще более твоего лица»¹.

Для жены у Пушкина есть только одно нежное обращение: женка! Не менее жены любит Пушкин и своих детей. Он был доволен и горд тем, что он — отец семейства. В письмах к жене постоянно мелькают имена «Сашки» и «Машки», постоянно называемые с самым нежным чувством: «Сашку целую в его круглый лоб» (528); «Что ты про Машу ничего не пишешь. Ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а все люблю ее затей» (531) и пр.

Любит Пушкин и подшутить над женой. В письмах поэта очень часто встречается игра на «признание в измене», которая в конце концов раскрывается, как смешная встреча с женщиной. «Я нарочно тянул письмо рассказами о московских моих обедах (*sic!*), чтобы как можно позже дойти до сего рокового места». Далее следует признание в встрече с Городничихой, которой Пушкин уступил тройку лошадей на почтовой станции. «Ты спросишь хороша-ли городничиха? Вот то-то, что не хороша, Ангел мой Таша, о том то я и горюю. — Уф, кончил! Отпусти и помилуй» (540). Или начнет с намека на встречу со старыми приятельницами и кончит неожиданной шуткой: «Из старых моих приятельниц нашел я... одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники» (535). «Теперь послушай, с кем я путешествовал, с кем провел 5 дней и 5 ночей. То то будет мне

¹ Морозов П. Семейная жизнь Пушкина. Сочинения Пушкина под редакцией С. А. Венгеровой, изд. Брокгауз-Эфрона, IV, с. 214.

гонка! с пятью немецкими актрисами, в желтых кацавейках и черных вуалях. Каково? Ей богу, душа моя, не я с ними кокетничал, оне со мной а м у р и л и с ь в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка, и как маленький Иосиф вышел чист от искушения» (540); «Как я хорошо веду себя! Как ты бы была мной довольна! За барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю — и на днях отказался от Башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путешественнику» (545).

Слова в письмах Пушкина живут всей полноценной жизнью разговорной речи. Пушкин умеет преодолеть искусственность корреспонденции. «Это живой громкий разговор: слышишь тембр его голоса, трепет его сердца, видишь его реальное существо. Всегда немногословный, он и в письмах высказывается сжато, сильно, с предельной выразительностью¹.

Этой выразительности и сжатости своего стиля Пушкин достигал тщательной работы над письмами. Чрезвычайно интересно следить за этой стилистической, редакторской работой Пушкина по черновикам писем. Сначала Пушкин набрасывает костяк будущего письма, не заботясь о стилистической правильности, но торопясь записать свои мысли так, как они возникают, еще в живом трепете самого создания. Этим объясняется живость и теплота пушкинского стиля. Затем начинается этап правки, когда поэт внимательно вчитывается в набросок, «зародыш» будущего письма. Поэт ищет более точных слов и выражений, зачеркивает отдельные слова, рядом пишет новые варианты слов или даже целых фраз, и так без конца, пока не находил удовлетворяющей его формы. «Благодаря этому в черновиках Пушкина мы имеем как бы непрерывную моментальную фотографию умственного процесса, который он переживал с пером в руке»².

Приведем примеры этой работы:

«Щастье вашей внуки будет
будет священная,
внуки вашей есть единственный мой единственная цель
единственная цель
цель жизни. Стараясь сделаться достойным
Заслужить
постараюсь заслужить
Буду стараться быть достойным благодеяния ва-
шего!

В окончательной редакции фраза звучит так: «Щастье вашей внуки будет священная, единственная моя цель и все, чем могу воздать вам за ваше благодеяние» (261).

Из выражений: внуки вашей, вашей внуки — Пушкин останавливается в окончательной редакции письма на словосочетании «щастье вашей внуки»; из вариантов «будет священная, единственная цель», «будет священная единственная цель жизни», «моя священная цель, жизни» — Пушкин создает новую окончательную комбинацию — «будет священная единственная моя цель». Из четырех вариантов: «стараясь

¹ Пушкин. Письма, Academia. I, с. XVIII.

² М. Г. «Заметка о письмах Пушкина». «Литературное обозрение» в журн. В. Е. 1908, VI, с. 9.

сделаться достойным», «заслужить благодеяние», «постараюсь заслужить», «быть достойным благодеяния» Пушкин не избирает ни одного и создает менее обязывающую фразу «все, чем могу воздать вам за ваше благодеяние». Из приведенного примера видно, что Пушкин избирает из всех возможных вариантов наиболее четкий, краткий и ясный. Окончательный вариант заключает в себе 17 слов, исключая служебных.

Другой пример:

«цензор на шел
нашел это можно-ли
усомнился

пропустить таким образом
допустить двух и вымарал сии два
называть сии два вымарал приветствие не по чину
(Из письма Бороздину 1830, 313.)

Письмо к Гончарову (332)

«С чувством благодарности — сердечной
глубокой

С чувством сердечного благоговения обращаюсь к вам как главе семейства в которое

которому отныне принадлежу
Вам обязан я счастьем жизни моей
больше нежели жизнью.

«Стараясь сделаться дост. благодеяния вашего с чувствами заслужить

постараюсь
буду стараться быть достойным
глубочайшего уважения и преданности пребыть имею
честь глубокого

С глубочайшим уважением, преданностью и благодарностью
честь имею быть.

Окончательная редакция: «С чувством сердечного благоговения обращаюсь к вам как к главе семейства, которому отныне принадлежу».

Вторая фраза: «Вам обязан я больше нежели жизнью».

Третья фраза: «Стараясь сделать и пр.» в окончательной редакции устранена полностью.

Четвертая: «С глубочайшим уважением, преданностью и благодарностью честь имею быть».

В первой фразе устранены менее сердечные варианты: «с чувством благодарности глубокой», «с чувством благодарности сердечной»; во второй фразе устранен вариант «Вам обязан я счастьем жизни моей».

Приведенные примеры подтверждают указанное выше положение о том, что стилистическая работа Пушкина сводилась, главным образом, к подысканию наиболее четкого выражения, слова и лишь во вторую очередь к подысканию необходимой синтаксической конструкции. Строение же предложения остается почти неизменным.

IV. ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПИСЕМ ПУШКИНА

Грамматика русского языка привлекала пристальное внимание Пушкина. В письмах поэта и его критических статьях можно найти немало интересных мыслей о грамматике русского языка. Грамма-

тика русского языка в разработке современной Пушкину науки о русском языке не удовлетворяла поэта. Он искал выхода за пределы окостенелых грамматических правил и навязанных грамматиками законов русскому языку. Так, например, Пушкин считает одинаково правильными формами — турок и турков: «Как надобно писать — турков или турок? то и другое правильно. Турок и турка равно употребительны»¹. Грамматические «оковы» были для Пушкина ненавистны: «Писатель должен владеть предметом, — пишет Пушкин Раевскому в 1827 г., — несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы» (237).

Вопросам грамматики русского языка Пушкин посвятил специальную строфу в «Евгений Онегине» (XXVIII):

Не дай мне бог сойтись на бале,
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль академиком в чепце.
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю,
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколенья,
Журналов влив молящий глас
К грамматике приучил нас;
Стихи введут в употребленье:
Но я... какое дело мне?
Я верен буду старине.

В черновом варианте «Евгения Онегина» строчка «иль при разъезде на крыльце» звучала еще определеннее — «Иль у Шишкова на крыльце».

Строфа из «Евгения Онегина» чрезвычайно важна для понимания позиции Пушкина в спорах того времени о литературном русском языке. Под «академиком в чепце» и «семинаристом в желтой шале» Пушкин понимал женщин-читательниц, берущих на себя роль законодательниц литературного вкуса. «Семинаристами» в эпоху Пушкина называли представителей разночинной интеллигенции, под «академиками» нужно понимать шишковистов. Строфа из «Евгения Онегина» показывает, что Пушкин ведет борьбу за литературный язык на два фронта: против «шишковистов», с одной стороны, и против «семинаристов» — с другой. Наиболее ненавистным представителем «семинаристов» для Пушкина был Полевой, которого он упрекает в полном незнании русской грамматики. По мнению Пушкина, журналист должен: «1) знать грамматику русскую 2) писать со смыслом: т. е. согласовать существительное с прилагательным и связывать их глаголом — А этого то Полевой и не умеет» (221). В 1830 г. Пушкин посвящает Полевому рассказ в своей «Детской книжке» — «Ветренный мальчик»: «Когда бранили его за то, что он пренебрегал французским или немецким языком, то он отвечал, что он русский, и что довольно для него, если он будет понимать слегка иностранные языки. Латинский, по его мнению, вышел совсем из употребления, и одним педагогам простительно было им заниматься; русской

¹ Пушкин, Акад. Наук, 1928, IX, 60.

грамматике не хотел он учиться, ибо недоволен был изданною для народных училищ и ожидал новой философической»¹.

Задачи грамматики Пушкин понимал очень близко к современной нам точке зрения. Он против такой грамматики, которая предписывает законы языку. Грамматика должна быть построена на знании языкового процесса, понимании того, что происходит в языке в данное время и умении объяснять этот процесс: «Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи»². Следуя этому положению, Пушкин ищет законов языка и объяснение его грамматического строя в своих наблюдениях над живой русской речью. Вот почему у Пушкина, в особенности в области частей речи, много так называемых «исключений» и особенностей, не уместяющихся в рамках традиционного для его времени грамматического учения. «Грамматика наша еще не пояснена,—пишет Пушкин.—Замечу во-первых, что так называемая стихотворческая воляность допускает нас со времен Ломоносова употреблять *indifferement* (безразлично) после отрицательной частицы *не* — родительный и винительный падеж»³.

Письма Пушкина и художественная проза объединены одной чрезвычайно характерной синтаксической особенностью. Предложение Пушкина лаконично, кратко, закруглено, но вместе с тем насыщено содержанием. Конструкция предложения прозрачна и проста. Пушкин не любит сложных предложений. Предложение в большинстве случаев построено строго грамматически: из подлежащего и сказуемого; если предложение сложное, оно опять таки распадается на ряд очень четких синтагм.

«В лужицах была буря». «Болота волновались белыми волнами» (534). «Погода была ужасная». Иногда такие предложения отделены не точкой, а точками с запятой: «В свете не бываю; от фрака отвык; в клобе провожу вечера». Или союзом *и* (сложносочиненный тип): «Книги из Парижа приехали, и моя библиотека растет и теснится» (82). В. В. Виноградов констатирует: «Предложение у Пушкина часто исчерпывается одной синтагмой, нередко включает в себя от 2 до 4 синтагм и обычно не превышает 7—8 синтагм. Сложное синтаксическое целое (период, система главных и придаточных предложений) также не выходит обычно за пределы 8—10 синтагм»⁴.

Действительно, наблюдения над строением писем подтверждают это утверждение. Вот пример из письма Дельвигу (113):

- 1) Всю ночь не спал;
- 2) луны не было;
- 3) звезды блистали;
- 4) передо мной в тумане тянулись
- 5) полуденные горы.

Если при этом добавить, что каждая синтагма характеризуется двумя ударениями (в большинстве случаев), мы получаем ритм свободного стиха.

¹ Пушкин. Акад. Наук, 1928, IX, 60.

² Пушкин. Сочинения, ГИХЛ, VI, 320.

³ Пушкин, Акад. Наук, IX, 74.

⁴ В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., 1934, с. 183.

Очень часто подлежащее сопровождается сказуемым, выраженным краткой формой прилагательного или причастия: «Наше житье-бытье сносно»; «Дядя жив, Дмитриев очень мил. Ушаков крив» (318). Или: «Однако скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва» (537).

Интересна форма несогласованного сказуемого: «...В один месяц карета моя хоть брось» (511).

Под влиянием живого разговорного языка в письмах Пушкина часты разговорные формы синтагм, с пропуском отдельных членов предложения: «Я надеюсь от него много хорошего» (191); «Потом осмотревшись, увидели, что народу не так то много, и что был это за просто, а не раут» (858).

Порядок слов нередко нарушается: «Путешествие мое благополучно, хотя три раза чинил я коляску, но слава богу на месте, т. е. на станции и не долее 2-х часов en tout» (1022).

В синтаксисе Пушкина на каждом шагу наталкиваешься на галлицизмы. Еще Проспер Мериме, приступив к переводу «Пиковой Дамы» Пушкина на французский язык, заметил, что фраза Пушкина звучит совсем по-французски и при этом добавил, что он имеет в виду «французский язык XVIII века, так как в настоящее время писать с надлежащей простотой уже не умеют»¹. Пушкин сам чувствует за собой эту особенность. В письме Глинке он делает примечание: «Милостивый Государь Сергей Николаевич. Искренно благодарю вас за любезное письмо Ваше (извините галлицизм)» (987). Таковы же конструкции с глаголом делать: «Все это делает мне большую разницу» (Дневник, 1833); Ср. также у кн. Вяземского — о Карамзине: «каждый русский ум сделали в нем потерю невозвратную» (461).

Другие примеры: «Дела мои принимают вид хороший» (511); «Я знал его в лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души — и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости» (403).

Деепричастные обороты при разных подлежащих деепричастия и главного предложения: «Подъезжая к Болдину, у меня были самые мрачные предчувствия» (546); «До сих пор читая рецензии Воейкова, Каченовского и пр., мне казалось, что подслушиваю у калитки литературные толки приятельниц Варюшки и Буянова» (53); «Читая Шекспира и библию, Святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира» (77); «Но журнал, будучи торговым предприятием, я ни к чему приступить не дерзаю» (502).

Помимо писем галлицизм в сокращении придаточного предложения несколько раз встречается в пушкинской художественной прозе: «Выстрел» — «...Вы согласитесь, что имея право выбрать оружие, жизнь его была в моих руках»; «Дубровский» — «Воспитанная в аристократических предрассудках, учитель для нее был род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною»².

Отметим особенности в употреблении падежей.

Винительный падеж заменяется родительным: «Остается испросить

¹ Письмо Мериме к Соболевскому: «Je trouve, que la phrase de Pouchkine «Пиковая Дама» est tout française du XVIII siècle, car on n'écrit plus simplement aujourd'hui» (Виноградов А. К. «Мериме в письмах к Соболевскому». М. 1928).

² Наблюдение Линдемана. Приведено в примечаниях к письмам Пушкина под ред. Модзалевского, Academia, 1935, III, 512.

прощения» (315); «Но дайте сроку — Осень у ворот» (275); «Вот тебе несколько эпиграмм, у меня их пропасть, избираю невиннейших» (188). Винительный падеж заменяет творительный современного языка: «Правительство может пренебречь ожесточение некоторых обличенных» (198). Устранение предлога: «Вероятно правительство удовлетворилось, что я заговору не принадлежу»; «Вчера пил твое здоровье у Киреевского» (537).

Включение предлога вместо современной беспредложной конструкции: «благодаря и поздравляю тебя — добился ты наконец до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало» (51); «Он что-то со мною трусит» (вместо меня трусит) (90); «Всякий день собирался к вам писать и все не собрался». Такое включение можно объяснить влиянием французского синтаксиса (ср. à Pierre — Петру).

Употребление других предлогов. Вместо предлога о — за: «Поговорить ему (вместо с ним) за Соболевского (вместо о Соболевском) (8); ср. кн. Вяземский «Жалею за тебя» вместо «жалею о тебе» (565); «Теща моя отлагала свадьбу за приданным» (вместо из-за приданого) (370).

Употребление другого падежа с предлогом. Предлог с родительным падежом вместо предложного: «Я нарочно тянул письмо разсказами о Московских моих обедах» (540); родительный падеж вместо дательного: «благодаря тебе» (257); «Благодаря отца моего, я женился» (412).

Предлог о (об) часто употребляется в форме об, независимо от качества следующего звука: «об журнале» (187).

Необходимо отметить также в синтаксисе Пушкина излюбленные синтаксические конструкции. Пушкин любил употреблять в своих письмах короткий оборот «что» вместо «как»: «Что твой Байрон? Что Илиада и что Гомер?». Приведем еще примеры: «Что твое брюхо и что твои деньги?» (1011); «Что-то дети мои и книги мои» (1015); «Что наша экспедиция» (929); «Как доехал? Что няня? Что любовь?» (284); «Что Машка?» (804). По поводу конструкции с что Пушкин писал в своем ответе на статью в «Атенеи» об «Евгении Онегине»: «Что звук пустой вм. подобно звуку, как звук. Частица что вместо грубого как употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет что»¹.

Столь же часто сочетание «чорт-ли ему», «чорт-ли в них»: «Он богат, чорт-ли ему в деньгах» (274); «Стихов твоих не читаю — чорт-ли в них; и свои надоели» (481); «Чорт-ли в эдакой жизни» (180); «Чорт-ли в нем» (208).

В кружке Пушкина часто употреблялось своеобразное словосочетание «брюхом хочется», т. е. очень, страстно хочется. Из письма к П. А. Вяземскому: «Да вот те Христос: литература мне надоела. Прозы твоей брюхом хочу»; «Мне брюхом хотелось с тобой повидаться». В письме к Гнедичу: «Мне брюхом хочется театра» (122). Из письма Вигелю: «Мне брюхом хочется видеть его». Ср. у П. Вяземского: «Не дашь ли прочесть своего Бориса? брюхом хочется» (217).

Перейдем к отдельным частям речи. Особенности имен су-

¹ Пушкин, ГИХЛ, VI, 74.

ществительных. Род многих имен существительных у Пушкина иной, чем в современном языке. Станса — женского рода: «Вся станса недостойна вашего пера» (269); дуэль — мужского рода: «Оно (убийство) избавляет от дуэля» (1017); «А с отцом и башмачником дуэля кажется не будет»; портфель — женского рода: «Из портфели» (524); перла — женского рода, вместо современной формы перл: «При сей верной оказии доношу Вам, что Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и что я намерен на днях в нее влюбиться» (280). Комода — вместо современного комод — женского рода: «Перешли ко мне опекунской билет, который оставил я в секретной твоей комод» (486); диэт — мужского рода: «Иван Иванович на строгом диэте» (293); внука — женского рода (при мужском роде внук): «Муж бесценной внуки вашей» (407); ср. в письме Греча: «А. С. Шишков боится предложить это, ибо идет о его внучке. Да в чем же виновата бедная, что она его внука» (713). В современном языке употребительна только уменьшительная форма этого слова — внучка. Бред — женского рода: «Это последняя моя либеральная бред» (68); эралаш — женского рода: «Экая эралаш» (118); кофей — мужского рода: «пью кофей» (550); миф — женского рода — в форме мифа (пустая мифа).

Отдельные падежи имен существительных. У Пушкина широко представлена демократическая форма родительного падежа мужского рода единственного числа с окончанием —у (пережиточная форма основ на й (типа сыну): «Не имел духу» (401); «на роду толпилось множество» (809); «В нем (кокетстве) толку мало» (550); «замена разговору» (288); «Это трагедия не для прекрасного полу» (202); «в прозе... слишком мало вздору» (252); «зависть сестра соревнования, следственно из хорошего роду» (319); «Письмо Гете дает Шевыреву более весу» (265); но рядом с этими формами сосуществуют и формы на окончание а, я: «Попроси их от меня Машку не баловать, т. е. не слушаться ее слез и крику, а то мне будет от нее покоя» (808); «с тех пор нет мне о тебе ни слуха ни духа» (396); но «О Польше нет ни слуху ни духу» (395).

Такие же формы родительного падежа широко представлены в художественных произведениях Пушкина: «Около трех недель прошло для меня в хлопотах всякого роду» (IV, 134); «Он схватил ее руку; она не могла опомниться с испугу» (IV, 267); «Должен, возразил Савельич, час от часу приведенный в большое изумление» (IV, 319).

Родительный падеж единственного числа слова день в форме дни: «Завтра еду к Яицким казакам, пробуду у них дни три» (545); «четыре дни» (29). В «Дубровском» — «Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон и с того же дни стал хлопотать по замышленному делу» (IV, 173).

Родительный падеж женского рода на ъ: «вот текст для славной филиппикѣ» (398); «Прощай, помяни меня на вечере у Катеринѣ Андревнѣ» (315). Ср. Грибоедов: «я должен у вдове, у докторши крестить».

Местный падеж (предложный) имен существительных женского рода имеет у Пушкина также часто народное окончание. В «Казане буду я около третьего» (536); «Ему удалось застать ее в церкви» (именит. церква) (536). «На печате вырезан крест и якорь» (437). На-

ряду с формой на полу местный падеж мужского рода имеет окончание и нормальное: «Жена была на бале» (553). Особняком необходимо поставить местный женского рода на **ы** (может быть случайное смешение с родительным падежом): «По той же причины не получишь ты скоро и моего образа» (430); пример формы на **у**: «Не знаю долго ли останусь в здешнем краю» (271). Такие же формы встречаются в письмах корреспондентов Пушкина: «на Васильевском острову (Гоголя, 596); «Эта статья не числится у меня в долгу» (Плетнева, 296).

Относительно формы «на бале» проф. Будде сделал такое замечание: «Объясняется такое употребление и такое склонение слова «бал» тем, что в 30—40-х годах прошлого столетия это слово не успело еще настолько руссифицироваться, чтобы вовлечься в область аналогии с чисто русскими словами, как вал, пыл, тыл и и проч.»¹.

Творительный падеж имен существительных женского рода часто у Пушкина имеет окончание **ю, ою**: с надеждою (72); с помощью (312) и даже неделью: «В Москве я не застал тебя неделью» (882).

Старый звательный падеж единственного числа употребляется только в качестве шутливого обращения: «Не оставьте меня, братие» (502). Такое употребление свидетельствует о падении этой формы в живом языке пушкинской поры. Вместо родительного единственного числа женского рода любви нередко употребляется демократическая народная форма: любви (101).

Следует особо отметить склонение слова постель. В языке Пушкина и его современников употребительна была форма постеля. Отсюда и косвенные падежи этого слова—винительный падеж: «Дядя написал еще дюжины две подобных мыслей и лег в постелью»²; «Недавно узнали мы, что Netty отходя ко сну имеет привычку крестить все предметы окружающие ее постелью» (297).

Местный падеж: «Адьютант.. находит Потемкина в постеле»³; «любит лежать на постеле» (41); «Я в коляске сочиняю, что ж будет в постеле» (545). Эти же формы и в художественных произведениях Пушкина:

Бывало он еще в постеле:

К нему записочки несут.

Полусонный

(Е. О., XV)

В постелью с бала едет он

(Е. О., XXXV)

Множественное число. Слово общество, употребительнее в нашем современном языке только в единственном числе, в эпоху Пушкина имело множественное число: «Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах» (IV, 157). Ср. из письма Бенкендорфа к Пушкину: «Вы изволили читать в некоторых обществах сочиненную вами вновь

¹ Будде Е. Ф. Значение Гоголя в истории русского литературного языка, Ж. М. Н. П., 1902, июль, с. 5.

² Пушкин, ГИХЛ, VI, 316.

³ Там же, 334.

Трагедию» (208). Сравните с этой формой слово Одесса: «В Одессах я уже не застал любопытного зрелища» (23).

Именительный и винительный падежи мужского и среднего рода — письма (28), колесы, адреса, поясы и т. д.: «...письма их мне не нужны» (28); «письма его очень любезны» (59); «сломались колесы» (221); «Если бы к тому присовокупили вы свои адреса, то я был бы доволен» (474); «получила княгиня мои поясы» (221). Такие же формы у корреспондентов Пушкина: «В чужие края» (253); «в профессора» (482); «Человек ест мои дорожные холодные рясички» (45). Последний пример показывает, что Пушкин иногда не отличал винительный падеж одушевленных имен существительных от винительного неодушевленных (как в старом русском языке).

Форму цыгане — Пушкин отвергал и писал цыганы: «С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно займодавцы» (482). В «Заметках об Евгении Онегине» Пушкин старается обосновать законность этой формы в русской грамматике: «Кстати о грамматике. Я пишу цыганы, а не цигане, татаре, а не татары. Почему? Потому, что все имена существительные, кончающиеся на ани, яни, ари, яри имеют свой родительный во множественном на аи, ае, ае и яе, а именительный множественного на ае, яе, ае и яе. Все же существительные, кончающиеся на аи и яи, ари и яри, имеют во множественном именительный на аны, яны, ары, яры, а родительный на анов, янов, аров и яров»¹.

В художественном жанре пушкинского языка мы встречаемся с теми же формами: «Соседы поминутно ездили в нему поестъ» (IV, 70); «Соседы дивились ее постоянству» (IV, 79); «Он влюбился в Полину и упросил меня сблизить наши дома» (IV, 125); «Стекла трещали, сыпались, пылающие бревны стали падать» (IV, 200); «Работники приезжали в селы, грабили помещичьи дома и предавали их огню» (IV, 202).

На ряду с этими формами употребляются и собирательные: дома, бояра и пр.: «Бояра перевелись» (471); «А дома вероятно там недорого» (412).

Иностранные слова, употребительные в современном языке только в единственном числе, например, мебель, в эпоху Пушкина могли иметь и множественное: «Он пакостит твои мебели» (810); «мебели твои в целости оставлены» (407). Ср. из письма П. Вяземского: «Спасибо за письмо, но не спасибо за то, что ты купил мои мебели» Последняя форма повторяет французскую meubles.

Родительный падеж множественного числа мужского рода у Пушкина часто имеет демократическое окончание на ов: «Кинжал изменника опаснее для него сабли турков» (23). Впрочем относительно этой формы Пушкин полагал, что возможна и вторая — «турок» (см. выше с. 558). «Пушин привезет тебе отрывок из моих цыганов» (117). Любопытно, что Нащокин, один из ближайших друзей Пушкина, писал даже — приключениев: «Онекдотов, разных приключениев в Москве, в клобе очень много» (546).

От слова проза Пушкин образовал родительный падеж проз: «Пришли нам своих стихов и проз» (467). Старинный родительный у Пушкина встречается в художественном жанре: «Простил бы им

¹ Пушкин, Ак. Наук, 1928, IX, 117.

их сплетни, чванство... пороки, зуб уж нет» (черновой набросок Е. О., IV); «Стар, зуб уж нет» (Домик в Коломне, XIV); «кусты сирень переломала» (Е. О. XXXVIII). Встречаются часто и формы на —ов: «близких соседей около меня не было» (15,64). Из других падежей множественного числа следует отметить форму речьюми: «Речьюми адвокатов не доволен — все оне робки» (395); затем — старинную форму дательного множественного от слова приятель: «ты читаешь их своим приятелем»¹.

Слово Новгород Пушкин изменял по старинному — обе части сложения. «С языком поступае, как Иоанн с Новым городом» (383); «жду от тебя письма из Новагорода» (803); «Посылаю тебе мой itinaige от Москвы до Новагорода» (219); эта форма живет и в народном языке особенно в фольклорных произведениях. Производное от город — городишко Пушкин писал — городишка: «Что за охота таскаться в скверный уездный городишка» (861). Эта форма теперь признается неправильной Ср. замечание в словаре под ред. Ушакова (М. 1935, с. 603): «городишка — и — неправильно».

Относительно местоимений ограничимся некоторыми замечаниями. До конца жизни Пушкин свободно пользуется местоимениями с ей, оный и пр. (Подробности об использовании этих местоимений см. в гл. II данной работы): «Можешь ли ты сделать сие благодеяние» (148); «с ия болезнь»; «Эслинг с ей доброй малой» (433); «приемлю смелость просить Ваше превосходительство оный мне возвратить» (223); «голос знатоков, кои избранных так мало» (396); «таковыя векселя», «с таковым условием» (1171).

В области имен прилагательных обращает на себя внимание словообразование, особенно от иностранных слов: неконченная баллада (426), Усиленная просьба (407), вдохновительное уединение (412), «Я богат через мою торговлю стишистую, а не прадедовскими вотчинами» (274), бестемпераментное письмо (379). В словоизменении укажем именительный падеж мужского рода на —ой (см. главу I о правописании прилагательных) «русской человек» (514), «редкой день» и пр.; такие формы у Пушкина чрезвычайно многочисленны, в чем нельзя не видеть демократического влияния. Но встречаются и архаические формы, например, родительный падеж женского рода единственного числа: «Не оставляя из людей не единая души» (IV, 175). Необходимо отметить и народные формы кратких прилагательных (склоняющихся): «Вы требуете сестрину законную часть» (900).

В глаголе можно указать мало отличий от системы современного языка. Укажем, во-первых, особые формы, несколько необычные, инфинитива: «паяснить перед публикой не намерен» (422); «Я всегда, был склонен аристократизироваться» (151).

В стилистическом отношении интересны глаголы, образованные от имен собственных: «Что из этого следует? Что ты Ольдекопничаешь и Воейковствуешь, перепечатавая нас образцовых людей — Мерзлякова, двух Пушкиных, Великопольского, Подолинского, Полевого» (217).

¹ Возможно, что в данном случае передача на письме безударного окончания — ям.

Своеобразные формы: советал (76), отстойте от глагола отстоять (373), соткнулись (224).

Яркое стилистическое использование инфинитива: «Да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить баринoм» (820).

Из пережиточных форм отметим аорист 3-го лица единственного числа, употребленный в шутливом значении: «Теперь из богатых женихов остался один Новоминский, ибо Сорохтин, ты говоришь, у мре» (810).

Среди наречий у Пушкина много народных — противу: «Все, что ты мог сказать противу желитьбы, все уже мною передумано» (405); «у Нащокина — противу Старого Пимена» (1010); дале, боле и пр. (см. гл. I); «M-elle Pajarsky ни дать ни взять M-me George только немного постаре» (535). Сравнительная степень — жалчее (108).

Наречие впоследствии у Пушкина употребляется в качестве предлога: «Думаю оставить статью, какова она есть, а впоследствии времени выбирать из нее все, что можно будет выбрать» (1022). Любопытно, что у Тургенева наречие впоследствии еще продолжает служить предлогом. «Впоследствии времени мне случилось встретиться с одной дамой» (т. X, 35).

Анализ грамматического строя пушкинских писем обнаруживает, что и в области грамматических средств выражения Пушкин старался предельно демократизировать русскую речь. Он преимущественно пользуется грамматическими средствами народного русского языка (родительный на — у, местный на — у, множеств. род на — ов и пр.)

У. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ писем Пушкина с языковой стороны обнаружил перед нами источник истории русского языка первостепенного значения. Письма поэта дали возможность проследить рост его языкового сознания, изменения, которые переживала речь Пушкина в течение его короткой, но бурной творческой жизни. В письмах поэта зазвучала перед нами живая речь поэта и его среды. По письмам мы имели возможность, опираясь на их своеобразную орфографию, восстановить и произношение. Мы почувствовали, что даже в области орфоэпии мы живем еще пушкинским словом, пушкинскими произносительными нормами.

Особенно богатый материал дают письма Пушкина в области истории его лексики. Письма показывают, какую напряженную работу в области словаря вел поэт. Он трудился над словом всю жизнь, тщательно изучал все источники русского слова, взвешивал каждое слово со стороны экспрессивной и грамматической. При этом он в первую очередь опирался на живой «простонародный язык». Живое русское слово впервые с исключительной силой зазвучало в творчестве Пушкина. Начав свою работу с позиций «европейца-карамзиниста», Пушкин понял скоро ограниченность этого направления и перешел бесповоротно на базу живого разговорного языка. Преспер Мериме справедливо отметил, что «с Пушкина в России пишут стихи на разговорном языке».

Все элементы пушкинской речи: словарь, грамматика его языка, фразеология обнаруживают в Пушкине исключительного мастера, творца новой народной литературной речи. Во всех элементах своего

языка Пушкин предельно демократичен. Историческая миссия Пушкина — создать русский поэтический язык, на основе накопленного языкового богатства (иностранные влияния, церковнославянская речь феодальной эпохи) — не могла бы быть выполнена Пушкиным, если бы он не поставил перед собой проблему наследия в литературном языке и не сумел бы ее правильно разрешить. Он подошел к языковому прошлому, как к наследию исключительной культурной ценности, и сохранил в русском языке древнеболгарские элементы, как одну из выразительнейших в художественном отношении структурных основ нашего языка.

Пушкин был революционером в языковом строительстве. Он придавал вопросам языка политическое значение: «Только революционная голова, подобная М. Ор<лову> и Пес<телю>, может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке»¹.

НЕОБХОДИМОЕ ПОЯСНЕНИЕ

Основными первоисточниками для данной работы послужили следующие издания текстов писем Пушкина:

I. Пушкин А. С. Письма под редакцией и примечаниями Л. Б. Модзалевского, тт. I, II, III, изд. Academia 1926—1935. Письма в издании Модзалевского сверены по подлинникам и доведены до 1833 г.

II. Пушкин А. С. Переписка под редакцией и с примечаниями В. И. Саитова.

Издание Саитова является одним из первых изданий, преследовавших предельную точность в передаче пушкинских текстов. Своеобразная пушкинская орфография в издании Саитова сохранена, как, впрочем, и в последнем издании под ред. Модзалевского. Особенностью издания Саитова является включение писем корреспондентов Пушкина, также сверенных по подлинникам. В нужных случаях привлекался для сравнения материал и этих писем. Это издание доводит письма Пушкина до дня смерти. Письма 1833—1837 гг. изучены по этому источнику.

Кроме того привлекались тексты, помещенные в следующих изданиях:

1) Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах по ред. Бонди, Луппола, Томашевского и др. ГИХЛ 1935—1936.

2) Пушкин. Сочинения, изд. Академии Наук СССР, т. IX, 1928. В статье проф. Некрасова (цитаты из этой статьи приведены в некоторых местах работы) — «К вопросу о значении А. С. Пушкина в истории русского литературного языка», юбилейный сборник журнала «Жизнь» 1899 — цитаты из текстов Пушкина приведены по изданию Морозова, СПб, 1877.

В книге В. В. Виноградова «Язык Пушкина». «Пушкин в истории русского языка», Academia, 1935 г. — тексты Пушкина по изданию Саитова, с указанием страниц, а не номеров писем. Эти цитаты обозначены в работе буквой С.

Цифры в скобках обозначают порядковый номер, под которым помещено данное письмо в изданиях Модзалевского и Саитова. Цифры, начиная с 767 по 1174 относятся к изданию Саитова. Цитаты из

¹ Пушкин, ГИХЛ VI, 26.

писем корреспондентов обозначены номерами издания под ред. Сайтова.

Цитаты из сочинений Пушкина обозначены в скобках, причем просто указывается том и стр., например, IV, 25 — т. е. IV том, стр. 25. (см. издание под ред. Бонди др.).

В тех случаях, где это является необходимым, в работе сохранены все особенности пушкинской орфографии, например, в гл. I — где исследуется произношение Пушкина по данным орфографии писем. В других случаях тексты Пушкина даются в переводе на современное правописание, однако с сохранением характерных особенностей пушкинского письма (например, сказкой, штопер и пр.). Сохранена также и характерная пунктуация Пушкина.

Использованная автором литература указана в примечаниях.

**ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

**BULLETIN
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
CLASSE DES SCIENCES SOCIALES**

№ 2—3

1937

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД**